

Д Ж Е Й С О Н
Р Е К У Л И К

С К Р Ы Т Ы Е
К А Р Т И Н Ж И

РОМАН

Отличная книга! Сюрпризы — это и правда сюрпризы, а еще есть мощный сюжетный темп, который не позволяет вам оторваться, не дочитав до самого конца. А какие потрясающие картинки!

СТИВЕН КИНГ

Джейсон Рекулик

Скрытые картинки

Серия «The Big Book»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68275792
Джейсон Рекулик: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб; 2022
ISBN 978-5-389-21968-7

Аннотация

Когда твое прошлое – груда развалин и ты, чудом выкарабкавшись из-под них, даже не представляешь себе, как жить дальше, едва ли стоит рассчитывать на то, что судьба преподнесет тебе роскошный подарок.

Однако с Мэллори Куин случилось именно это. Молодая спортсменка после тяжелейшей жизненной катастрофы получает идеальную возможность начать жизнь с чистого листа. Она теперь нянька при пятилетнем ребенке в красивом, тихом, уютном городке. Тедди – славный малыш, явно талантливый; он очень любит рисовать. Но с его рисунками происходит нечто мистическое: они становятся все более жуткими и сложными, и вот уже среди них сцена, изображенная как будто совсем не детской рукой: в лесу мужчина куда-то тащит безжизненное тело женщины. Что хотят сказать все эти картинки? Кто разговаривает через них? Заинтригованная и встревоженная, Мэллори пытается разгадать зловещую тайну...

Впервые на русском языке!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

131

Джейсон Рекулик

Скрытые картинки

Jason Rekulak

HIDDEN PICTURES

Copyright © 2022 by Jason Rekulak

Original artwork © 2022 by Will Staehle and Doogie Horner

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic, Inc. and The Van Lear Agency LLC All rights reserved

Иллюстрации Уилла Штеле и Дуги Хорнера

© И. А. Тетерина, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джейсон Рекулик – администратор-издатель и креативный директор «Quirk Books», независимого издательства, опубликовавшего множество бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», в том числе открывшего знаменитый бестселлер «Дом странных детей мисс Перегрин» Ренсома Риггза. Активный член Гильдии сценаристов США и Гильдии детективных писателей, Джейсон живет с семьей, детьми и многочисленными домашними питомцами в Филадельфии.

* * *

Отличная книга! Сюрпризы – это и правда сюрпризы, а еще есть мощный сюжетный темп, который не позволяет вам оторваться, не дочитав до самого конца. А какие потрясающие картинки!

Стив Кинг

Феерический финал заставляет грызть ногти от волнения. Паранормальное совершенство!

Booklist

Красивая, пугающая и на диво добрая проза.

Crime Reads

Умно, оригинально и дьявольски жутко. Сюжет – вершина мастерства.

Ренсом Риггз, автор романа «Дом странных детей мисс Перегрин»

Эту книгу вам долго не захочется убрать на полку – чтобы у ваших друзей был шанс заметить ее и получить такое же удовольствие.

Скотт Фрэнк, сценарист и режиссер, лауреат кинопремии «Оскар»

«Скрытые картинки» – не просто книга о приведениях. Это скальпель, который режет до самой

кости наше надменное самодовольство.

Грейди Хендрикс

* * *

Посвящается Джулии

* * *

1

Несколько лет тому назад я от безденежья решила поучаствовать добровольцем в научном исследовании, которое проводил Пенсильванский университет. Приехав к назначенному времени в медицинский центр в кампусе в Западной Филадельфии, я очутилась в большой аудитории, битком набитой женщинами от восемнадцати до тридцати пяти лет. Стульев на всех не хватило, и я как пришедшая одной из последних вынуждена была, дрожа, сидеть прямо на полу. Всем участницам полагались бесплатный кофе и шоколадные пончики, по большому телевизору показывали «Цену удачи», однако большинство сидело, уткнувшись в телефоны. Атмосфера очень походила на зал ожидания в Отде-

ле транспортных средств, за исключением того, что оплата у всех нас была почасовая, так что, похоже, никто не возражал против того, чтобы проторчать здесь хоть до самого вечера.

Вошла докторша в белом лабораторном халате. Она представилась то ли Сьюзен, то ли Стейси, то ли Самантой и сказала, что она аспирантка, участвующая в программе клинических исследований. Зачитав нам все традиционные правила и предупреждения, она напомнила, что оплата будет выдаваться в виде подарочных сертификатов «Амазона», а не чеками или наличными. Нашлись недовольные, мне же было все равно: мой бойфренд покупал у меня эти сертификаты из расчета восемьдесят центов за доллар, так что беспокоиться было не о чем.

Каждые несколько минут Сьюзен (по-моему, ее все-таки звали Сьюзен) вызывала по фамилии кого-то из списка в своем блокноте, и вызванная выходила из аудитории. Обратного никто не возвращался. Вскоре свободных стульев было хоть отбавляй, но я так и осталась сидеть на полу, опасаясь, что, если я шевельнусь, меня вырвет. Все тело ломило, меня бил озноб. Но в конце концов просочилась информация, что на входе никого не тестируют, а это значило, что никто не будет ни проверять мою мочу на наличие запрещенных препаратов, ни измерять мой пульс, ни делать ничего такого, из-за чего меня могли бы отсеять, так что я с чистой совестью закинула в рот таблетку оксикодона и рассасывала ее до тех пор, пока не растворилась желтая восковая облатка. Тогда я

выплюнула ее содержимое на ладонь, растерла между пальцами и втянула ноздрями где-то примерно треть. Этого мне должно было хватить, чтобы очухаться. Остаток я завернула в маленький квадратик фольги – на потом. После этого меня перестало колотить и жизнь снова стала сносной.

Часа примерно через два докторша наконец объявила: «Куинн? Мэллори Куинн?» – и я двинулась к ней между рядами стульев, волоча за собой по полу зимнюю куртку. Если Сьюзен и заметила, что я под кайфом, то ничего не сказала. Она просто уточнила мой возраст (девятнадцать) и дату рождения (третье марта), после чего сверила мои ответы с информацией у себя в блокноте. По всей видимости, я оказалась ей достаточно вменяемой, потому что она повела меня за собой по лабиринту коридоров, пока мы наконец не очутились в маленькой комнатушке без окон.

Там на складных стульях, составленных в ряд, сидели пятеро молодых мужчин; все они смотрели в пол, так что лиц их мне было не видно. Но я решила, что это студенты-медики или практиканты, поскольку на всех были хирургические костюмы, темно-синие, с глубокими заломами, как будто их только что распаковали.

– Так, Мэллори, будьте добры, встаньте вот у этой стены, лицом к молодым людям. Да-да, вот тут, где крестик. А сейчас я расскажу вам, как все будет происходить, после чего мы завяжем вам глаза.

И тут я обратила внимание на то, что она держит в ру-

ках черную маску, вроде той, которую на ночь надевала моя мать, чтобы свет не мешал спать.

Сьюзен объяснила, что мужчины, которые сейчас смотрят в пол, в течение ближайших нескольких минут будут время от времени поднимать глаза и смотреть на мое тело. Моей задачей было поднимать руку, если я почувствую на себе «мужской взгляд». Руку я должна была держать поднятой до тех пор, пока будет длиться это ощущение, и опускать, как только оно исчезнет.

– Мы будем делать это на протяжении пяти минут, но, возможно, потом повторим эксперимент еще раз. У вас есть вопросы?

Меня разобрал смех.

– Ага, вы все тут что, «Пятидесяти оттенков серого» читались? Потому что, если я правильно помню, это глава двенадцатая.

Это была попытка пошутить, чтобы разрядить обстановку, и Сьюзен из вежливости улыбнулась, однако никто из мужчин меня не слушал. Все листали свои блокноты и синхронизировали секундомеры. Атмосфера в кабинете была самая что ни на есть деловая. Сьюзен надела маску мне на глаза и отрегулировала резинку так, чтобы нигде ничего не давило.

– Мэллори, так не туго?

– Угу.

– Ну что, вы готовы?

– Да.

– Тогда начинаем на счет три. Джентльмены, приготовьте ваши секундомеры. Раз, два, три!

Я чувствовала себя очень странно, неподвижно стоя в течение этих пяти минут с завязанными глазами и думая о том, что, возможно, парни сейчас пялятся на мою задницу или грудь. Не было слышно ни звука, ничего такого, что могло бы подсказать мне, что происходит. Но я определенно ощущала на себе их взгляды. Несколько раз я поднимала и опускала руку, и пять минут показались мне часом. После того как мы закончили, Сьюзен попросила меня повторить эксперимент, и мы снова проделали все то же самое. Потом она попросила меня повторить эксперимент в третий раз! И когда она наконец сняла с меня маску, все парни поднялись со своих мест и зааплодировали, как будто я только что получила «Оскар».

Сьюзен пояснила, что за неделю в эксперименте успели принять участие сотни женщин, но я стала первой, кто отвечал практически безошибочно и трижды угадывал взгляды с 97-процентной точностью.

Она сказала парням, чтобы сделали перерыв, после чего увела меня к себе в кабинет и принялась задавать вопросы. Каким образом я понимала, что мужчины на меня смотрят? А я не могла дать ей никакого внятного объяснения – я просто это понимала. Это было какое-то еле уловимое ощущение на грани восприятия – нечто вроде шестого чувства. Если вы сами испытывали нечто подобное, то наверняка пой-

мете, что я имею в виду.

– Ну и потом еще этот звук.

Ее глаза расширились.

– Серьезно? Вы слышали какой-то звук?

– Иногда. Он совсем тонкий. Как комариный писк практически над самым ухом.

Сьюзен так стремительно схватилась за ноутбук, что едва его не уронила, и принялась что-то набирать, а потом спросила, не соглашусь ли я прийти еще раз через неделю, чтобы она могла провести дальнейшие исследования. Я сказала, что за двадцать баксов в час готова ходить к ней сколько ее душе угодно. Я дала ей свой номер телефона, и она пообещала, что позвонит и скажет, когда приходить, но в тот же вечер я обменяла свой айфон на пять таблеток оксикодона, а никаких других моих контактов у нее не было, так что больше я никогда о ней не слышала.

Теперь, когда я избавилась от наркотической зависимости, у меня миллион сожалений – и проданный айфон среди них на последнем месте. Но иногда я вспоминаю тот эксперимент и задумываюсь. Я пыталась искать ту докторшу в Интернете, но я ведь даже не помню ее имени. Как-то раз я даже доехала на автобусе до университетского медицинского центра и попыталась отыскать ту аудиторию, но за это время кампус совершенно изменился: появилась куча новых зданий и все стало выглядеть по-другому. Я пробовала гуглить

фразы вроде «обнаружение взгляда» и «восприятие взгляда», но все результаты говорят о том, что подобного феномена не существует в реальности: нет никаких доказательств того, что у кого-то есть «глаза на затылке».

И наверное, я смирилась с фактом, что никакого эксперимента на самом деле не было, что это всего лишь одно из множества ложных воспоминаний, ставших результатом моего пристрастия к оксикодону, героину и прочим наркотикам. Мой куратор Рассел утверждает, что ложные воспоминания для наркоманов дело обычное. Он говорит, что мозг наркомана «запоминает» приятные фантазии, чтобы не задерживаться на настоящих воспоминаниях – на всех тех постыдных вещах, которые мы делали, чтобы словить кайф, и на всех тех страданиях, которые мы причинили людям, любившим нас.

– Ну, ты сама-то себя послушай, – внушает мне Рассел. – Ты приезжаешь в кампус престижного университета Лиги плюща. Ты явно под кайфом, но никому нет до этого никакого дела. Тыходишь в помещение, где полно красивых молодых врачей. Они пятнадцать минут внимательно смотрят на твое тело, после чего устраивают тебе овацию! Ну серьезно, Куинн! Тут не нужно даже быть Зигмундом Фрейдом, чтобы понять, что к чему!

И наверное, он прав. Одна из самых сложных вещей в процессе реабилитации заключается в том, чтобы принять тот факт, что ты не можешь больше доверять своему мозгу. На-

оборот, ты должен понять, что твой мозг превратился в твоего злейшего врага. Он будет толкать тебя обратно на дурной путь, заглушать голос логики и здравого смысла и искажать самые дорогие твои воспоминания, превращая их в дикие фантазии.

И тем не менее есть вещи, которые являются непреложной истиной.

Меня зовут Мэллори Куинн, и мне двадцать один год.

Я на реабилитации вот уже восемнадцать месяцев и могу честно сказать, что не испытываю абсолютно никакого желания употреблять алкоголь и наркотики.

Я прошла программу «Двенадцать шагов» и вверила свою жизнь Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу. Библии проходим на улицах я, конечно, не раздаю, но каждый день молюсь, чтобы Он помог мне удержаться на правильном пути, и пока что это работает.

Живу я на северо-западе Филадельфии, в «Спасительной гавани», финансируемом городом приюте для женщин на заключительных стадиях реабилитации. Все его обитательницы уже значительно продвинулись по пути исправления, делом доказали свою приверженность здоровому образу жизни и заслужили множество послаблений. Мы сами покупаем продукты, готовим себе еду и не обязаны подчиняться большей части строгих правил.

С понедельника по пятницу я работаю помощником воспитателя в детском саду «У тетушки Бекки», расположен-

ном в кишачем мышами жиллом доме, куда ходят шестьдесят маленьких воспитанников от двух до пяти лет. Большую часть дня я занята тем, что меняю им подгузники, раздаю крекеры и включаю «Улицу Сезам». После работы я отправляюсь на пробежку, а затем либо иду на собрание «Анонимных наркоманов», либо просто остаюсь в «Спасительной гавани» со своими соседками, и мы вместе смотрим фильмы вроде «Уплывая в любовь» или «Навсегда в моем сердце» на канале «Холлмарк». Можете смеяться, если хотите, но я гарантирую вам, что ни в одном фильме канала «Холлмарк» вы не увидите проститутку, которая вдыхает дорожки из белого порошка. Потому что не нужно, чтобы такие образы отпечатывались в моем мозгу.

Рассел согласился курировать меня, потому что раньше я занималась бегом, а он долгое время тренировал спринтеров. Рассел был вторым тренером сборной США на летней Олимпиаде 1988 года. Потом он готовил команды Арканзасского университета и Стэнфорда к студенческим чемпионатам по легкой атлетике. А совсем потом он, находясь за рулем своей машины, под воздействием метамфетаминов насмерть сбил своего соседа. Отсидев пять лет за непредумышленное убийство, Рассел вышел на свободу и впоследствии стал священником. Сейчас он курирует одновременно пятерых или шестерых завязавших наркоманов, в большинстве своем таких же бывших спортсменов, как и я.

Рассел вдохновил меня снова начать тренироваться (он

называет это «бегом к выздоровлению») и каждую неделю составляет для меня индивидуальный план тренировок, в котором бег на длинные дистанции и спринтерские пробежки по берегу реки Скулкилл перемежаются силовыми упражнениями в спортзале Ассоциации Христианской молодежи. Расселу шестьдесят восемь, вместо тазобедренного сустава у него титановый протез, но он до сих пор отжимает двести фунтов, а по субботам и воскресеньям выходит вместе со мной на тренировку, корректируя мою технику и подбадривая меня. Он не устает напоминать, что у бегуний пик формы наступает не раньше тридцати пяти, так что лучшие мои годы еще впереди.

Также он убеждает меня в необходимости подумать о своем будущем – начать жизнь с чистого листа, в новом окружении, подальше от старых друзей и старых привычек. Поэтому он организовал мне собеседование с Тедом и Каролиной Максвелл, друзьями его сестры, которые не так давно переехали в городок Спрингбрук в Нью-Джерси. Они подыскивают няню для своего пятилетнего сына Тедди.

– Они только что вернулись в Штаты из Барселоны. Отец занимается компьютерами. Или бизнесом? Чем-то таким, что приносит хорошие деньги, забыл подробности. В общем, они переехали, чтобы Тедди – который сын, не отец, – мог осенью пойти в школу. В подготовительный класс. Так что пока они берут тебя до сентября. Но если все срастется, кто знает, может, они оставят тебя на постоянку.

Рассел настаивает на том, чтобы отвезти меня на собеседование. Он из тех людей, которые всегда одеты так, как будто собрались в тренажерный зал, даже когда не собираются тренироваться. Сегодня на нем черный адидасовский спортивный костюм с белыми лампасами. Мы едем на его внедорожнике по мосту Бена Франклина, по левой полосе, обгоняя попутные машины. Я вцепляюсь в ручку на потолке и утыкаюсь взглядом в колени, стараясь держать себя в руках. Не люблю машины. Всюду, куда мне нужно, я добираюсь на автобусе или на метро, и это первый раз почти за год, когда я куда-то выезжаю за пределы Филадельфии. Ехать нам всего десять миль, но у меня такое чувство, как будто я лечу на Марс.

– В чем дело? – спрашивает Рассел.

– Ни в чем.

– Ты напряжена, Куинн. Расслабься.

Но как тут расслабишься, когда мимо нас справа пронесется громадный междугородний автобус? Прямо-таки «Титаник» на колесах; кажется, если я высуну из окна руку, я смогу до него дотронуться. Я жду, пока автобус проедет, чтобы можно было говорить, не перекрикивая рев его двигателя.

– А мама?

– Каролина Максвелл. Она врач в госпитале при Министерстве по делам ветеранов. Где работает моя сестра Дженни. Через нее я про их семью и узнал.

– Что ей про меня известно?

Он пожимает плечами.

– Ей известно, что ты не употребляешь уже восемнадцать месяцев. И что я могу дать тебе высочайшие профессиональные рекомендации.

– Я не это имею в виду.

– Не переживай. Я рассказал ей всю твою историю, и ей не терпится познакомиться с тобой лично. – На лице у меня, видимо, отражается скепсис, потому что Рассел продолжает меня убеждать. – Эта женщина работает с алкоголиками и наркоманами. И ее пациенты – ветераны боевых действий, я имею в виду «Морских котиков», травмированных на всю голову после Афгана. Не пойми меня неправильно, Куинн, но по сравнению с ними твоя история – детский лепет.

Какой-то придурок выбрасывает из окна своего джипа пластиковый пакет с мусором; увернуться нам некуда, так что мы налетаем на него колесом на скорости шестьдесят миль в час. Слышится громкий треск лопающегося стекла. Как будто взорвалась бомба. Рассел как ни в чем не бывало тянется к регулятору кондиционера, и в салоне делается немного попрохладнее. Я разглядываю собственные колени до тех пор, пока рев двигателя не становится тише и я не ощущаю, что мы начинаем съезжать со скоростной трассы.

Спрингбрук – один из тех мелких городков на юге Нью-Джерси, которые ведут свою летопись со времен Американской революции. Он застроен старыми домами в колониаль-

ном и викторианском стиле, над дверьми которых вывешены американские флаги. Асфальт на улицах идеально ровный, без выбоин, тротуары выглядят безупречно. Нигде ни намёка на мусор.

Мы останавливаемся на светофоре, и Рассел опускает боковые стекла.

– Ты слышишь? – спрашивает он.

– Я вообще ничего не слышу.

– Вот именно. Тут очень тихо. Идеальное место для тебя.

Загорается зелёный, и мы едем вдоль растянувшихся на три квартала магазинов и ресторанов: тут тебе и тайское заведение, и смузи-бар, и веганская кондитерская, и детский сад для собак, и студия йоги. А ещё детская «Математическая гимназия» и небольшой книжный магазинчик с кофейней внутри. Ну и, разумеется, «Старбакс», все столики перед которым заняты подростками, уткнувшимися в свои айфоны. Выглядят они как дети с рекламы: в яркой одежде и новенькой обуви.

Потом Рассел сворачивает на боковую улочку, и мы едем мимо одного идеального дома за другим. По обеим сторонам дороги высятся величественные деревья, которые отбрасывают густую тень на тротуары и наполняют квартал яркой зеленью. Там и сям на обочине стоят знаки, на которых крупными буквами написано: «ТУТ ЖИВУТ ДЕТИ – СНИЗЬТЕ СКОРОСТЬ!», а когда мы подъезжаем к четырехстороннему перекрестку, улыбающийся регулировщик-волонтер в

неоновом жилете делает нам знак проезжать. Все до последней мелочи здесь такое невообразимо идеальное, что кажется, как будто мы очутились в декорациях к какому-нибудь кинофильму.

Наконец Рассел сворачивает к обочине и останавливается в тени плакучей ивы.

– Ну, Куинн, ты готова?

– Не знаю.

Я отгибаю солнцезащитный козырек на лобовом стекле и смотрюсь в зеркальце. По совету Рассела я оделась как вожатая летнего лагеря: на мне зеленая футболка с круглым вырезом, шорты и безупречно-белые кеды. Еще совсем недавно у меня были волосы до талии, но не далее как вчера я остригла их и пожертвовала на парики для онкологических больных. Теперь на голове у меня короткий черный «боб», и я с трудом себя узнаю.

– У меня для тебя два бесплатных совета, – говорит Рассел. – Во-первых, обязательно скажи им, что их ребенок одаренный.

– Откуда я могу это знать?

– Это не имеет никакого значения. В этом городе все дети одаренные. Просто найди способ вернуть это в разговоре.

– Ясно. А второй совет какой?

– Ну, если собеседование пройдет плохо или тебе покажется, что они колеблются, ты всегда можешь предложить им вот это.

Он открывает бардачок и показывает пакетик, который мне страшно не хочется вносить в этот дом.

– Ох, Рассел, я даже не знаю.

– Не отказывайся, Куинн. Отнесись к этому как к козырю в рукаве. Ты не обязана его выкладывать, но он может тебе пригодиться.

За время моего пребывания в реабилитационном центре я наслушалась достаточно историй, чтобы понимать, что он, наверное, прав. Я с неохотой беру пакетик и поглубже запикиваю в сумку.

– Ладно, – говорю я ему. – Спасибо, что подвезли.

– Слушай, я подожду тебя в «Старбаксе». Позвони мне, как закончишь, и я отвезу тебя обратно.

Я настаиваю, что это излишне и что я прекрасно могу вернуться обратно в Филадельфию на поезде, а Рассел пускай едет домой, пока на дорогах еще нет пробок.

– Ладно, но ты все равно позвони мне, как закончишь, – говорит он. – Я хочу услышать все подробности, ясно?

2

Едва я выхожу из машины, как на меня обрушивается полуполуденная июньская жара. Рассел, просигналив на прощание, уезжает, и я понимаю, что пути назад нет. Дом Максвеллов представляет собой классический трехэтажный викторианский особняк, обшитый желтым сайдингом и укра-

шенный белой деревянной резьбой. Весь первый этаж опоясывает просторная терраса, на которой расставлены плетеная мебель и вазоны с желтыми бегониями и маргаритками. С задней стороны участок граничит с лесом – или это какой-то парк? – так что птицы оглушительно поют на всю улицу, а насекомые деловито жужжат, гудят и стрекочут.

Я прохожу по выложенной каменными плитами дорожке, поднимаюсь на крыльцо и звоню в дверь. Открывает маленький мальчик. У него огненно-рыжие волосы, которые стоят торчком. Он напоминает мне тролля из одноименного фильма.

Я опускаюсь на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

– Ты, наверное, Тедди?

Мальчик застенчиво улыбается вместо ответа.

– Я Мэллори Куинн. А твоя ма...

Он разворачивается и, ни слова не говоря, убегает по лестнице на второй этаж.

– Тедди?

Я не очень понимаю, что делать. Передо мной небольшая прихожая и коридор, ведущий вглубь дома, в кухню. Слева столовая, справа гостиная. Повсюду роскошный сосновый паркет. Воздух в доме свежий, кондиционированный, с легкой ноткой запаха мастики, как будто кто-то только что натирал полы. Вся обстановка выглядит современной и абсолютно новой, как будто ее только что доставили из шоурума

дизайнерской мебели.

Я жму на кнопку звонка, но она не издает ни звука. Я нажимаю ее еще трижды – безрезультатно.

– Прошу прощения?

В глубине дома, в кухне, я вижу чей-то силуэт. Женщина оборачивается на мой голос.

– Мэллори? Это вы?

– Да! Здравствуйте! Я пыталась звонить в дверь, но...

– Да-да, я знаю, извините. Надо вызвать мастера.

Прежде чем я успеваю задаться вопросом, как Тедди узнал о моем приближении, женщина выходит из кухни мне навстречу. Я в жизни своей не видела такой грациозной походки – она передвигается бесшумно, как будто ноги ее едва касаются пола. Она высокая и стройная, со светлыми волосами, бледной кожей и изящными чертами лица, которое кажется слишком нежным для этого мира.

– Я Каролина.

Я протягиваю ей руку, но она внезапно обнимает меня. Она из тех людей, которые излучают теплоту и сострадание, и держит меня в объятиях на мгновение дольше, чем это необходимо.

– Я так рада, что вы пришли. Рассел все мне о вас рассказал. Он очень высокого о вас мнения. Вы в самом деле не употребляете уже восемнадцать месяцев?

– Восемнадцать с половиной.

– Невероятно! И это после всего, что вам пришлось пере-

жить? Просто поразительно. Вы имеете полное право собой гордиться.

Я боюсь расплакаться, поскольку совершенно не ожидала, что она с ходу заговорит о моем прошлом, едва я успела переступить порог ее дома. Но в то же время лучше уж сразу покончить с этим, выложить все карты на стол.

– Это было непросто, но с каждым днем становится все легче и легче.

– Именно так я и говорю своим пациентам. – Она отступает на шаг назад, с ног до головы окидывает меня взглядом и улыбается. – Нет, вы только поглядите! Вы выглядите совершенно здоровой, вы просто светитесь!

В доме царит приятная прохлада – истинное наслаждение после удушливой жары на улице. Я иду следом за Каролиной мимо лестницы на второй этаж в кухню. Светлая и просторная, она выглядит как съемочная площадка какого-нибудь кулинарного телешоу. Тут тебе и большой холодильник, и холодильник поменьше, и газовая плита с восемью конфорками. Прямоугольная раковина такой ширины, что требует двух отдельных кранов, а счет ящиков и шкафчиков всех мыслимых и немыслимых форм и размеров идет на десятки.

Каролина открывает крошечную дверцу, и я понимаю, что есть еще и третий холодильник, миниатюрный, набитый охлажденными напитками.

– Так, у нас тут есть минералка, кокосовая вода, холодный

чай...

– Мне минералки, если можно. – Я поворачиваюсь к широкому панорамному окну, выходящему на задний двор. – У вас очень красивая кухня.

– Просто огромная, правда? Слишком большая для троих. Но мы влюбились в этот дом, так что ничего другого искать не стали. Прямо за домом начинается парк, вы заметили? Тедди обожает бегать по лесу и шуметь вовсю.

– Наверное, это весело.

– Но нам приходится постоянно осматривать его, не подцепил ли клещей. Прямо хоть блошиный ошейник ему покупай.

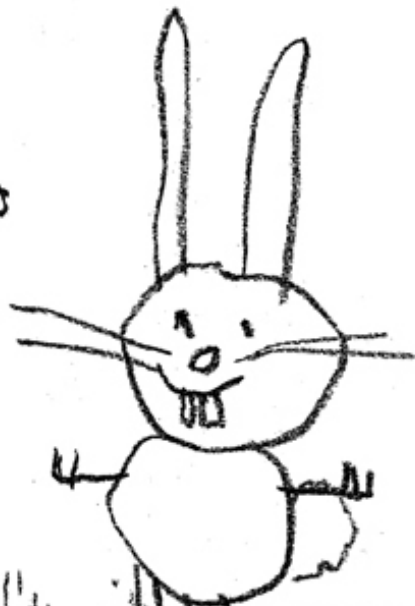
Каролина подносит стакан к генератору льда, раздается нежный перезвон – словно ветер играет китайскими колокольчиками у нее на крыльце, – и в стакан сыплются ледяные кристаллики. У меня такое чувство, как будто я стала свидетельницей какого-то волшебства. Каролина наливает в стакан шипящую минералку и протягивает мне.

– Может, сэндвич? Или еще что-нибудь?

Я отрицательно качаю головой, но Каролина все равно открывает дверцу большого холодильника, до отказа забитого самыми разнообразными продуктами. Тут и бутылки с натуральным и соевым молоком, и картонные коробки с коричневыми яйцами от куриц, которых никогда не держали в клетках, и пластиковые ведерки с песто, хумусом и пико-де-гайо. Головки сыра соседствуют с кефиром и сетками с соч-

ной зеленью. А фрукты! Гигантские пластиковые контейнеры с клубникой, черникой, малиной и ежевикой, дыня вкусная и дыня медовая! Достав пакет с мини-морковью и ведро хумуса, Каролина локтем захлопывает холодильник. На дверце висит листок с коряво и неумело нарисованным детской рукой зайчиком. Я спрашиваю, не Тедди ли автор рисунка, и Каролина кивает.

– Всего-то полтора месяца в этом доме, а он уже намекает, что неплохо бы завести какое-нибудь животное. Я сказала ему, что сначала нужно до конца разобрать вещи.

– Он у вас, похоже, одаренный ребенок, – замечаю я осторожно, опасаясь, что мои слова прозвучат неискренне, что я перегнула палку.

Но Каролина со мной соглашается!

– О, определенно. Он заметно опережает в развитии своих сверстников. Все это говорят.

Мы усаживаемся за небольшим столиком в уголке, и она протягивает мне лист бумаги.

– Мой муж распечатал основные принципы, которых мы придерживаемся в нашем доме. Ничего особенно из ряда вон выходящего, но лучше сразу расставить все точки над «i».

ПРАВИЛА ДОМА

1. Никаких наркотиков.
2. Никакого алкоголя.
3. Никакого табака.
4. Никакого сквернословия.
5. Никаких гаджетов.
6. Никакого красного мяса.
7. Никакой нездоровой еды.
8. Никаких гостей без разрешения.
9. Никаких фотографий Тедди в соцсетях.
10. Никакой религии и суеверий. Мы верим в науку.

Под распечатанным на принтере перечнем изящным женским почерком приписано одиннадцатое правило:

Главное – чтобы всем было весело! ☺

Каролина принимается извиняться за эти правила еще до того, как я успеваю их дочитать:

– За выполнением пункта номер семь мы следим не слишком строго. Если вы захотите испечь капкейков или купить Тедди мороженое, ничего страшного. Главное – никакой газировки. И мой муж настоял на десятом пункте. Он инженер. Работает в информационных технологиях. Так что наука очень важна для нашей семьи. Мы не молимся и не отмечаем Рождество. И не употребляем выражений вроде «Слава богу» и «Не дай бог».

Она произносит все это извиняющимся тоном, и я перехватываю взгляд, который она бросает на крохотный золотой крестик у меня на груди – подарок матери на Первое причастие. Я заверяю Каролину, что с соблюдением этих правил у меня не будет никаких затруднений.

– Религия Тедди – ваше дело, а не мое. Моя задача – обеспечить ему комфортную, безопасную и развивающую среду.

Каролина, похоже, испытывает облегчение.

– И главное – это чтобы всем было весело, да? Это правило номер одиннадцать. Так что, если вы решите куда-нибудь выбраться, в музей или в зоопарк, я с радостью все оплачу.

Мы еще некоторое время обсуждаем работу и связанные с ней обязанности, но личных вопросов Каролина мне почти не задает. Я рассказываю ей, что выросла в южной части Филадельфии, на Шанк-стрит, чуть севернее стадионов. Мы

жили втроем с мамой и младшей сестрой, и я вечно нянчилась со всеми соседскими детьми. Училась я в школе «Централ хай» и как раз получила полную спортивную стипендию на обучение в Пенсильванском университете, когда моя жизнь полетела под откос. Все прочее, видимо, поведал Каролине Рассел, потому что она не заставляет меня пересказывать все заново.

Вместо этого она говорит просто:

– Может, пойдем найдем Тедди? Посмотрим, как вы друг с другом поладите.

К кухне примыкает кабинет – уютная, неформальная семейная комната, обстановка которой состоит из большого дивана, ящика с игрушками и лохматого ковра. Стены заставлены стеллажами с книгами и увешаны афишами нью-йоркской Метрополитен-оперы в рамках – «Риголетто», «Паяцы» и «Травиата». Каролина поясняет, что это три любимые оперы ее мужа и что до появления Тедди они постоянно ходили на них в Линкольн-центр.

Малыш лежит на ковре с альбомом на пружинках и простым карандашом. При виде меня он вскидывает глаза, и на лице его на мгновение мелькает озорная улыбка, после чего он немедленно возвращается к своему занятию.

– Ну, привет еще раз. Ты рисуешь картинку?

Он преувеличенно пожимает плечами. Все еще стесняется со мной разговаривать.

– Котенок, – вмешивается Каролина. – Мэллори задала

тебе вопрос.

Он снова пожимает плечами, потом почти утыкается носом в свой рисунок, как будто пытается скрыться внутри. И тянется за карандашом левой рукой.

– О, я вижу, ты левша! – говорю я ему. – И я тоже!

– Среди мировых лидеров множество левшей, – сообщает Каролина. – Барак Обама, Билл Клинтон, Рональд Рейган – все они левши.

Тедди разворачивается таким образом, чтобы я не могла заглянуть ему через плечо и увидеть, что он рисует.

– Ты напоминаешь мне мою младшую сестру, – говорю я ему. – Когда она была в твоём возрасте, она тоже очень любила рисовать. У нее была огромная пластиковая корзина с восковыми мелками.

Каролина наклоняется и вытаскивает из-под дивана огромную пластиковую корзину с восковыми мелками.

– Такая?

– В точности!

Она весело смеется.

– Знаете, что забавно? Все время, пока мы жили в Барселоне, Тедди даже не прикасался к карандашам. Мы покупали ему фломастеры, пальчиковые краски, акварель – он не выказывал ни малейшего интереса к рисованию. Но стоило нам переехать обратно в Штаты и поселиться в этом доме, как он внезапно превратился в Пабло Пикассо. Теперь он рисует как одержимый.

Каролина поднимает столешницу кофейного столика, и я обнаруживаю, что под ней скрывается что-то вроде ящика для хранения. Она достает оттуда кипу бумаги в дюйм толщиной.

– Мой муж смеется надо мной из-за того, что я храню все подряд, но я просто ничего не могу с собой поделать. Хотите взглянуть?

– Конечно.

Тедди замирает на полу с карандашом в руке. Все его тело каменеет. Я вижу, что он внимательно слушает и ждет моей реакции.

– О, вот этот, самый первый, просто прелесть, – говорю я Каролине. – Это лошадка?

– Да, думаю, да.

– Нет, нет, нет! – восклицает Тедди, вскакивая на ноги и подходя ко мне. – Это козлик, потому что на голове у него рога, видишь? И борода. У лошадок не бывает бороды.

Он облокачивается о мои колени и переворачивает лист, показывая мне следующий рисунок.

– А это плакучая ива у вас перед домом?

– Да, правильно. Если на нее забраться, можно увидеть птичье гнездо.

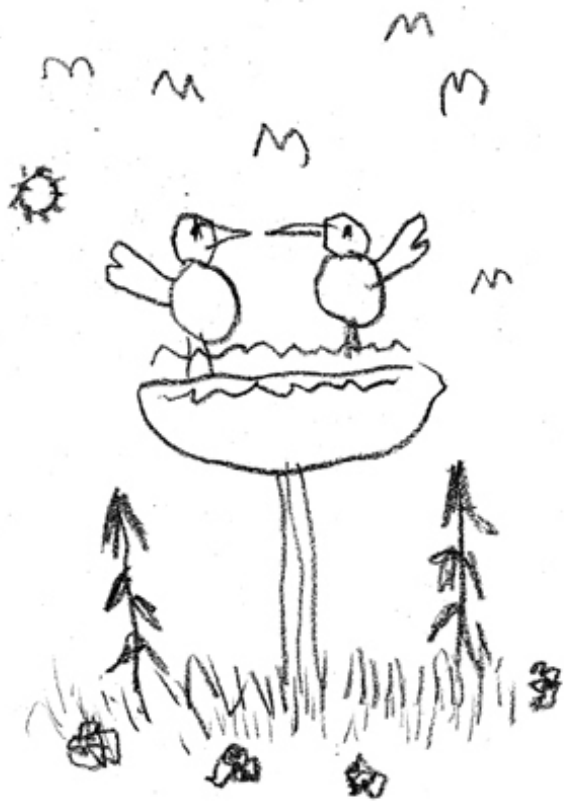
Я переворачиваю листок за листком, и вскоре Тедди расслабляется в моих объятиях, положив голову мне на грудь. У меня такое чувство, как будто я баюкаю большого щенка. Он теплый и пахнет свежестырированной одеждой. Каролина си-

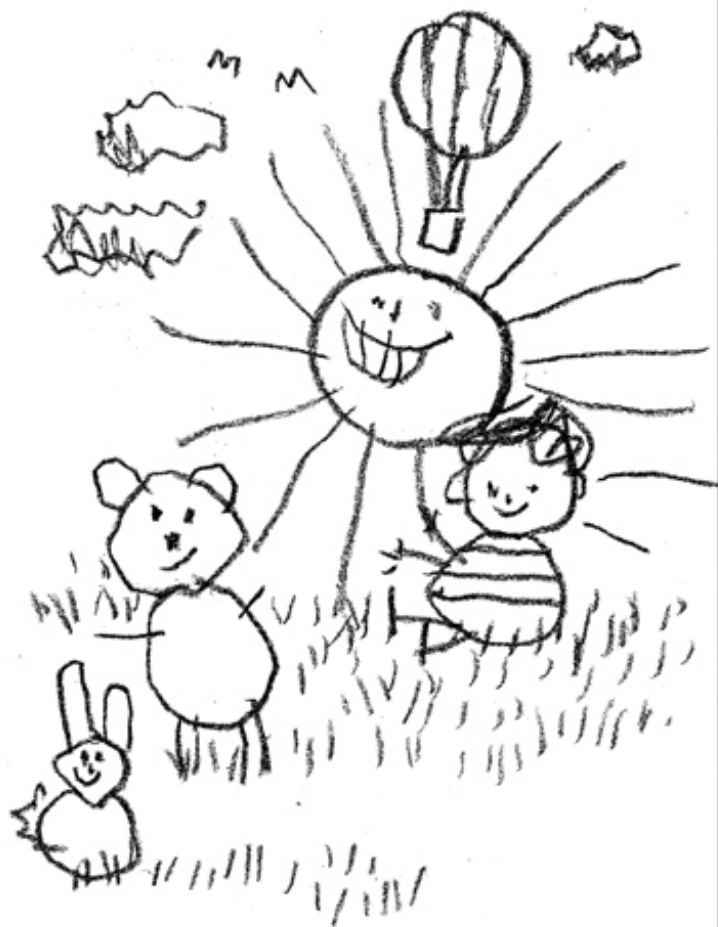
дит в сторонке, молча наблюдая за нашим общением, и мне кажется, что она довольна.

На картинках нет ничего необычного – разные зверюшки, улыбающиеся человечки, солнышки, какие рисуют все дети. Тедди внимательно наблюдает за моей реакцией на каждую и впитывает мои похвалы как губка.

Последняя картинка, похоже, становится для Каролины неожиданностью.

– Я же собиралась ее убрать, – говорит она, но теперь у нее нет другого выбора, кроме как объясниться. – Это Тедди и его... э-э... особенная подружка.

– Аня, – добавляет Тедди. – Ее зовут Аня.

– Да, Аня. – Каролина подмигивает мне, чтобы я подыграла. – Мы все любим Аню, потому что она играет с Тедди, пока мама с папой на работе.

Я понимаю, что Аня, должно быть, что-то вроде воображаемой приятельницы Тедди, и судорожно пытаюсь придумать, что бы такое сказать.

– Здорово, наверное, иметь такую подружку, как Аня. В особенности когда ты маленький мальчик в новом городе и у тебя пока не было возможности подружиться с другими ребятами.

– Совершенно верно! – Каролина явно рада, что я так быстро вникла в ситуацию. – Все именно так и обстоит.

– А сейчас Аня здесь? Она в комнате вместе с нами?

Тедди обводит кабинет взглядом.

– Нет.

– А где она?

– Я не знаю.

– Но сегодня вечером ты с ней увидишься?

– Я вижу с ней каждый вечер, – сообщает Тедди. – Она

спит у меня под кроватью, чтобы я мог слышать, как она поет.

Тут в прихожей щелкает замок, и я слышу, как открывается, а потом закрывается входная дверь.

– Эй, а где все? – раздается мужской голос.

– Мы в кабинете! – откликается Каролина и смотрит на Тедди. – Папа пришел!

Тедди спрыгивает с моих коленей и бежит встречать отца, и я возвращаю рисунки Каролине.

– Да, рисунки у него... любопытные.

Она со смехом качает головой.

– Он не одержимый, честное слово. Это просто фаза развития. К тому же у многих детей есть воображаемые друзья. Мои коллеги-педиатры говорят, что это совершенно обычная вещь.

Тон у нее смущенный, и я спешу заверить ее, что это, разумеется, совершенно нормально:

– Это все наверняка из-за переезда. Он выдумал ее, чтобы ему было с кем играть.

– Если бы она еще не выглядела так жутко. Такое на холодильник не повесишь. – Каролина переворачивает рисунок лицом вниз и засовывает в середину стопки. – Но я уверена, Мэллори, что, как только вы начнете здесь работать, он и думать про нее забудет. Ему будет просто не до нее!

Мне нравится, как она это говорит – таким тоном, как будто собеседование окончено, я уже получила эту работу и те-

перь мы просто обговариваем все детали.

– Уверена, на площадках здесь куча ребятишек, – говорю я ей. – Я позабочусь о том, чтобы Тедди к началу школы успел обзавестись настоящими друзьями.

– Отлично, – подытоживает Каролина. Из коридора доносятся шаги, направляющиеся в нашу сторону, и она наклоняется ко мне. – Я хочу предупредить вас насчет моего мужа. Его настораживает ваша история. Из-за наркотиков. Так что он будет выискивать предлоги, чтобы отказать вам. Но не переживайте.

– И что я должна...

– Да, и зовите его мистер Максвелл. Не Тед. Ему это не понравится.

Не успеваю я спросить, что все это значит, как Каролина отстраняется и входит ее муж, неся на бедре улыбающегося во весь рот Тедди. Тед Максвелл старше, чем я ожидала, лет на десять-пятнадцать старше своей жены, высокий и подтянутый, седой, в очках с темной оправой и с бородой. На нем дизайнерские джинсы, стоптанные «оксфорды» и спортивный пиджак поверх футболки с треугольным вырезом – наряд, который при всей своей мнимой небрежности стоит раз в десять больше, чем может показаться на первый взгляд.

Каролина приветствует мужа поцелуем.

– Милый, это Мэллори.

Я поднимаюсь и пожимаю ему руку.

– Здравствуйте, мистер Максвелл.

– Прошу прощения за задержку. Возникли непредвиденные дела на работе. – Они с женой переглядываются, и в меня закрадывается подозрение, что непредвиденные дела у него на работе возникают слишком уж часто. – Как проходит собеседование?

– Очень хорошо, – отвечает Каролина.

– Очень-очень хорошо! – восклицает Тедди. Вывернувшись из отцовских объятий, он забирается обратно ко мне на колени, как будто я Санта-Клаус и он намеревается перечислить мне все до единого пункты из своего списка рождественских подарков. – Мэллори, а ты любишь играть в прятки?

– Я обожаю играть в прятки! – заверяю я его. – В особенности в больших старых домах с кучей комнат.

– Это же про нас! – Широко распахнув глаза, Тедди обводит кабинет изумленным взглядом. – У нас большой старый дом! С кучей комнат!

Я легонько стискиваю его в объятиях.

– То что надо!

Теду, похоже, такое направление разговора приходится не очень по душе. Он берет сына за руку и осторожно снимает его с моих колен.

– Послушай, приятель, это собеседование. Очень серьезный взрослый разговор. Маме с папой нужно задать Мэллори кое-какие важные вопросы. Так что беги-ка ты пока наверх, ладно? Пойди поиграй в легио или...

– Милый, мы уже все обговорили, – перебивает мужа Каролина. – Я хотела показать Мэллори наш гостевой домик.

– У меня тоже есть вопросы. Дай мне пять минут.

Тед легонько подталкивает сына в сторону двери, потом расстегивает пиджак и усаживается напротив меня. Я обнаруживаю, что он вовсе не такой уж подтянутый, как мне показалось, у него небольшое брюшко, но лишний вес ему даже к лицу. Вид у него холеный.

– Вы не захватили с собой резюме?

Я отрицательно качаю головой.

– Извините.

– Без проблем. У меня где-то должна быть распечатка.

Он расстегивает свой портфель и, достав пухлую картонную папку, принимается рыться в бумагах. Я понимаю, что все это письма и резюме других кандидаток. Их там, наверное, штук пятьдесят.

– Ага, вот оно. Мэллори Куинн.

Он вытаскивает из пачки мое резюме, и я вижу, что оно пестрит рукописными пометками.

– Значит, вы окончили школу «Централ хай», но в колледж не пошли?

– Пока нет, – отвечаю я.

– Идете этой осенью?

– Нет.

– Тогда весной?

– Нет, но очень надеюсь, что в самом скором времени, как

только смогу.

Тед пробегает глазами мое резюме, потом прищуривается и склоняет голову набок, как будто что-то вызвало у него замешательство.

– Тут ничего не упомянуто о том, какой иностранный язык вы знаете.

– Никакой, извините. Если, конечно, не считать за иностранный язык южнофиладельфийский сленг. «Эй, ребзики, морожко будете?»

Каролина смеется.

– Это очень остроумно!

Тед молча ставит на моем резюме маленький черный крестик.

– А на каких-нибудь музыкальных инструментах играете? На пианино или на скрипке?

– Нет.

– Изобразительное искусство? Живопись, графика, скульптура?

– Нет.

– Путешествовали много? За границей бывали когда-нибудь?

– Мы ездили в Диснейленд, когда мне было десять.

Он помечает мое резюме еще одним черным крестиком.

– А теперь вы работаете у вашей тетушки Бекки?

– Она не моя тетушка. Это просто название детского сада.

Тед проглядывает свои пометки.

– Да-да, точно, теперь припоминаю. Они берут на работу бывших наркоманов. Вы не в курсе, сколько штат платит им за ваше трудоустройство?

Каролина сводит брови:

– Милый, какое это имеет значение?

– Мне просто любопытно.

– Я не против ответить, – говорю я ей. – Штат Пенсильвания платит треть моей ставки.

– А нам придется платить все целиком из своего кармана, – замечает Тед и записывает на полях моего резюме цифры, производя какие-то замысловатые подсчеты.

– Тед, у тебя остались еще вопросы? – спрашивает Каролина. – Мэллори уже давно тут сидит. А я еще хотела показать ей наш задний двор.

– Нет, вопросов больше нет, – отзывается ее муж. – Я выяснил все, что хотел.

Я против воли отмечаю, что он перекладывает мое резюме в самый низ стопки.

– Приятно было с вами познакомиться, Мэллори. Спасибо, что заехали.

– Не обижайтесь на Теда, – говорит мне Каролина несколько минут спустя, когда мы через раздвижные стеклянные двери выходим из кухни во дворик. – Мой муж очень умный человек. Во всем, что касается компьютеров, он гений. Но с социальным интеллектом у него швах. Он гово-

рит, что бывших наркоманов не бывает, и считает, что взять вас на работу было бы слишком рискованно. По его мнению, идеальная кандидатура – это как минимум круглая отличница из Пенсильванского университета. Но я уговорю его, что вы заслуживаете того, чтобы дать вам шанс. Не переживайте.

У Максвеллов огромный задний двор с ухоженной зеленой лужайкой, обсаженной по периметру высокими деревьями и кустами, и с раскиданными там и сям яркими цветочными клумбами. Центр двора занимает роскошный бассейн, вокруг которого расставлены шезлонги и зонтики, прямо как в каком-нибудь казино в Лас-Вегасе.

– Какая красота!

– Наш личный оазис, – говорит Каролина. – Тедди очень любит здесь играть.

Мы идем по лужайке. Трава упруго пружинит под ногами, точно поверхность трамплина. Каролина указывает на тоненькую тропку, тянущуюся вдоль края двора, и говорит, что она ведет в Хайденс-глен – заповедный парк площадью в триста акров, испещренный пешеходными дорожками и ручьями.

– Мы не разрешаем Тедди ходить туда одному – из-за ручьев. Но вы можете водить его туда сколько захотите. Только осторожнее с ядовитым плющом.

Мы почти пересекли двор, когда я наконец заметила гостевой коттедж: полускрытый за деревьями, он выглядит так, будто лес приготовился поглотить его. Сам коттедж напо-

нил мне пряничный домик из сказки про Гензеля и Гретель – это миниатюрное шале с грубой дощатой обшивкой и двускатной крышей. Мы поднимаемся по трем ступенькам на крохотное крыльцо, и Каролина отпирает входную дверь.

– Простые хозяева хранили здесь газонокосилку. Использовали его вместо сарая. Но я отремонтировала и обставила его для вас.

Внутри обнаруживается всего одна комнатка, небольшая, но безукоризненно чистая. Стены выкрашены белой краской, потолок не зашит, и наверху темнеют перекрестья толстых коричневых стропил. Деревянные полы сияют такой чистотой, что меня подмывает снять кроссовки. Справа расположена небольшая кухонька, слева – самая манящая постель, какую я когда-либо видела, с белым пуховым одеялом и четырьмя громадными подушками.

– Каролина, это потрясающе!

– Я знаю, тут слегка тесновато, но я подумала, что после целого дня, проведенного с Тедди, вам захочется уединения. И постель вся целиком новая. Попробуйте.

Я осторожно присаживаюсь на краешек матраса и откидываюсь на спину. У меня такое чувство, как будто я утопаю в облаке.

– Боже мой!

– Это ортопедический «Брентвуд», в нем три тысячи пружин. У нас с Тедом в спальне точно такой же.

В дальней стене комнаты две двери. Одна ведет в неглу-

бокий шкаф с полками, вторая – в самую крохотную в мире ванную с душем, раковиной и унитазом. Я переступаю порог и обнаруживаю, что, будь я хотя бы на полдюйма выше, мне пришлось бы пригибаться, чтобы уместиться под душем.

Вся экскурсия занимает не больше минуты, но я чувствую себя обязанной потратить на осмотр еще некоторое время. Каролина оборудовала коттедж десятками продуманных мелочей: тут есть и прикроватная лампа для чтения, и складная гладильная доска, и специальная розетка для зарядки телефонов, и вентилятор под потолком для циркуляции воздуха. В кухонных шкафчиках имеется все самое необходимое: тарелки и стаканы, кружки и столовые приборы – все такое же качественное, как и у них в доме. Не забыты и простейшие ингредиенты для готовки: оливковое масло, мука, сода, соль и перец. Каролина спрашивает, умею ли я готовить, и я признаюсь, что только начинаю постигать эту премудрость.

– И я тоже, – смеется она. – Давайте учиться вместе.

На крыльце слышатся тяжелые шаги, и Тед Максвелл открывает дверь. Спортивный пиджак он сменил на аквамариную рубашку поло, но даже в этой повседневной одежде он все равно выглядит устрашающе. А я-то надеялась, что больше его сегодня не увижу.

– Там Тедди зачем-то тебя зовет, – говорит он Каролине. – Я закончу показывать ей все тут вместо тебя.

Я чувствую себя неловко, потому что уже осмотрела все, что можно было осмотреть, но Каролина скрывается за две-

рю, прежде чем я успеваю что-то сказать. Тед молча стоит посреди комнаты, не сводя с меня глаз, как будто подозревает, что я замышляю стащить постельное белье и полотенца.

Я улыбаюсь.

– Тут очень миленько.

– Это жильё рассчитано на одного человека. Пожалуйста, никаких гостей без нашего разрешения. И строго никаких гостей с ночевками. Тедди еще слишком мал, чтобы объяснять ему подобные вещи. Это будет для вас проблемой?

– Нет, я ни с кем не встречаюсь.

Он качает головой в раздражении оттого, что я неверно истолковала смысл его слов.

– Мы не можем запретить вам с кем-то встречаться. Я просто не хочу, чтобы на моей территории ночевали посторонние.

– Я понимаю. Все нормально. – Мне хочется надеяться, что это прогресс, что мы сделали крошечный шаг, который немного приблизил нас к рабочим отношениям. – У вас есть еще какие-то опасения?

Он усмехается:

– Сколько времени у вас в запасе?

– Столько, сколько нужно. Я действительно очень хочу получить эту работу.

Он подходит к окну и указывает на небольшую сосну.

– Позвольте рассказать вам одну историю. В тот день, когда мы въехали в этот дом, Каролина с Тедди нашли вот под

тем деревом птенца. Он, видимо, вывалился из гнезда. А может, его вытолкнули, кто знает? В общем, у моей жены большое сердце, поэтому она нашла коробку из-под обуви, выложила дно нарезанной бумагой и начала кормить птенца сладкой водой из пипетки. У меня тут полный дом грузчиков, я пытаюсь распахать вещи по комнатам, чтобы мы могли поскорее начать новую жизнь, а Каролина в это время рассказывает Тедди, как они выкормят этого несчастного птенца и в один прекрасный день он улетит высоко-высоко в небо. Разумеется, Тедди нравится эта идея. Он называет птенца Робертом и каждый час проверяет, как он там, и вообще ведет себя так, как будто это его младший братик. Но птенец не протянул и двух суток. И клянусь вам, Мэллори, Тедди рыдал неделю. Он был безутешен. Из-за какого-то птенца. В общем, что я хочу сказать, это что мы должны быть предельно осторожны с человеком, которого собираемся пригласить пожить вместе с нами. А учитывая вашу историю, боюсь, риск слишком велик.

Ну и чем мне крыть? За эту работу платят хорошие деньги, а у Теда в папке несколько десятков заявок от женщин, которые никогда не употребляли наркотики. Он может нанять хоть вчерашнюю выпускницу медицинской школы, владеющую всеми навыками первой медицинской помощи, хоть бабушку пятерых внуков родом из Гондураса, которая будет одной рукой давать уроки испанского, а второй крутить вегетарианские энчиладас. С такими-то возможностями зачем

ему рисковать, принимая на работу меня? Я понимаю, что теперь единственная моя надежда – козырь в рукаве, подарок Рассела, который он сделал мне в последнюю минуту перед тем, как высадить из машины.

– Думаю, у меня есть решение. – Я лезу в сумку и достаю оттуда запаянный в пластик картонный прямоугольник размером с кредитную карту с пятью ватными палочками на конце. – Это экспресс-тест на наркотики. Они продаются на «Амазоне» по баксу за штуку, и я с радостью буду платить за них из своего кармана. Они позволяют выявить в моче следы употребления метадона, опиатов, амфетаминов, кокаина и марихуаны. Анализ занимает пять минут, и я готова делать его еженедельно, в любой случайный день по вашему выбору, чтобы вы могли ни о чем не волноваться. Такое решение вас устроит?

Я протягиваю прямоугольник Теду, и тот держит его на вытянутой руке, как будто испытывает отвращение, как будто с него уже капает теплая желтая моча.

– Вы поймите, в этом-то и проблема, – говорит он. – Вы, судя по всему, хорошая девушка. Я желаю вам всего самого лучшего, честное слово. Но мне нужна няня, которую не придется каждую неделю просить пописать в баночку. Вы же в состоянии это понять, правда?

Я жду в холле, пока Тед с Каролиной спорят в кухне. Слов разобрать я не могу, но совершенно очевидно, кто за что вы-

ступает. Каролина терпеливо уговаривает мужа; Тед отвечает кратко, резко и отрывисто. Прямо-таки дуэт скрипки и отбойного молотка.

Когда они наконец возвращаются в холл, лица у обоих покрасневшие. Каролина вымучивает улыбку.

– Простите, что заставили вас ждать, – говорит она. – Мы с мужем еще раз все обсудим и свяжемся с вами, ладно?

Мы же все знаем, что это означает, так ведь?

Тед открывает дверь и практически выпихивает меня наружу, в раскаленное июньское пекло. Перед домом намного жарче, чем на заднем дворе. У меня такое чувство, как будто я стою на границе рая и реального мира. Я беру себя в руки и благодарю Максвеллов за собеседование. Говорю, что мне очень хотелось бы, чтобы меня взяли на это место, что была бы счастлива работать у них.

– Если я могу что-то сделать для того, чтобы развеять ваши сомнения, только скажите.

И тут, когда они уже собираются закрывать дверь, малыш Тедди, проскользнув между родителями, протягивает мне лист бумаги.

– Мэллори, я нарисовал для тебя картинку! В подарок. Можешь забрать ее к себе домой.

Каролина заглядывает через мое плечо и ахает.

– Боже, Тедди, какая красота!

Это всего лишь детские каракули, но они почему-то страшно меня трогают. Я опускаюсь на корточки, чтобы мои глаза оказались на одном уровне с глазами Тедди, и на этот раз он не шарахается и не убегает.

– Мне очень нравится твоя картинка, Тедди. Как только доберусь до дома, сразу же повешу ее на стену. Спасибо тебе большое. – Я раскрываю ему объятия, и он крепко-крепко меня обнимает, обвив ручонками мою шею и уткнувшись лицом в плечо. Это самый близкий физический контакт с другим человеком за многие месяцы, и я вдруг понимаю, что расчувствовалась. По щеке у меня скатывается слезинка, и я со смехом смахиваю ее. Может, Тед-старший и не верит в меня, может, он и считает меня никчемной наркоманкой, обреченной вновь вернуться к своим дурным пристрастиям, но этот чудесный малыш считает меня ангелом. – Спасибо, Тедди. Спасибо, спасибо, спасибо.

Я решаю не торопиться на поезд и прогулочным шагом иду по тенистым тротуарам мимо маленьких девочек, мелом рисующих что-то на асфальте, мальчишек, гоняющих мяч на подъездных дорожках, и автоматических поливалок, орошающих зеленые лужайки перед домами. Я иду мимо маленького магазинного квартала, мимо смузи-бара и толпы подростков, тусующихся перед «Старбаксом». Здорово, наверное, расти в Спрингбруке – городе, где у всех на все хватает

денег и ничего никогда не случается. Мне не хочется отсюда уезжать.

Я захожу в «Старбакс» и заказываю клубничный лимонад. Как бывшая наркоманка я приняла решение избегать любых психоактивных стимуляторов, включая кофеин (но я не совсем чокнутая; я все-таки делаю исключение для шоколада, поскольку кофеина там всего-то пара миллиграммов). Я просовываю соломинку в отверстие в пластиковой крышке и тут замечаю за столиком в дальнем углу зала Рассела. Он пьет черный кофе и читает спортивный раздел в «Филадельфия инквайрер». Он, наверное, последний человек в Америке, который до сих пор покупает бумажные газеты.

– Я же вам сказала, чтобы вы меня не ждали, – говорю я.

Он закрывает газету и улыбается.

– Я так и знал, что ты сюда заглянешь. И хотел узнать, как прошло собеседование. Ну давай, выкладывай.

– Это было ужасно.

– Что случилось?

– Это катастрофа. Ваш козырь не сработал.

Рассел разражается смехом.

– Куинн, мне звонила Каролина. Десять минут тому назад. Как только ты вышла за порог.

– Правда?

– Она боится, как бы тебя не украли какая-нибудь другая семья. И хочет, чтобы ты приступила к работе, как только сможешь.

На то, чтобы собрать вещи, у меня уходит десять минут. Пожитков у меня всего ничего – кое-какая одежда и гигиенические принадлежности плюс Библия. Рассел дает мне старенький чемоданчик, чтобы не пришлось нести все в пакете для мусора. Соседки по «Спасительной гавани» устраивают в мою честь маленькую прощальную вечеринку с китайской едой навынос и тортом из супермаркета. И всего три дня спустя после собеседования я уезжаю из Филадельфии и возвращаюсь в Страну грез, готовая начать новую жизнь в качестве няни.

Если у Теда Максвелла все еще остаются опасения на мой счет, он отлично их скрывает. Они с Тедди встречают меня на вокзале. Тедди держит букетик желтых маргариток.

– Я сам их выбрал, – с гордостью сообщает он, – а папа купил.

Тед-старший забирает у меня чемоданчик и несет в машину, а по пути домой они устраивают мне небольшую экскурсию по окрестностям, показывая пиццерию, книжный магазин и заброшенную железную дорогу, облюбованную бегунами и велосипедистами. От прежнего Теда Максвелла, неулыбчивого инженера, который строго допрашивал меня про иностранные языки и международные путешествия, не осталось и следа. Новый Тед Максвелл ведет себя приветли-

во и непринужденно («Пожалуйста, зовите меня Тедом!»), и даже его одежда выглядит более расслабленной. На нем сегодня футболка с эмблемой футбольного клуба «Барселона», свободные джинсы и новехонькие ньюбэлансы 995-й модели.

Позднее, ближе к вечеру, Каролина помогает мне разобрать вещи и устроиться в моем новом жилище. Я спрашиваю ее о внезапной перемене, произошедшей с Тедом, и она смеется.

– Я же вам говорила, что он согласится. Он же видит, как вы понравились Тедди. Больше, чем все остальные, кто проходил собеседование. Это было самое простое решение в нашей жизни.

Мы все вместе ужинаем на заднем дворе. Тед жарит свои фирменные шашлычки из креветок и гребешков, Каролина разливает домашний чай со льдом, а Тедди носится кругами по лужайке, как маленький дервиш, все еще не в силах поверить в то, что я буду жить с ними постоянно, каждый день, целое лето.

– Не может быть, не может быть! – восклицает он, а потом бухается навзничь на мягкую траву, совершенно ошалевший от счастья.

– Мне тоже в это не верится, – говорю я ему. – Я так рада оказаться здесь.

И еще прежде чем мы успеваем дойти до десерта, я благодаря им уже чувствую себя членом семьи. Тед с Каролиной относятся друг к другу с неподдельной теплотой и неж-

ностью. Они заканчивают друг за друга фразы и таскают еду друг у друга с тарелок. Вдвоем они рассказывают мне трогательную историю о том, как познакомились в книжном магазине в Линкольн-центре пятнадцать с лишним лет тому назад. В процессе рассказа ладонь Теда инстинктивно перемещается на колено жены, та накрывает его руку своей, и их пальцы переплетаются.

Даже разногласия между ними выглядят забавно и мило. В какой-то момент во время еды Тедди объявляет, что ему нужно в туалет. Я поднимаюсь, чтобы сопроводить его, но малыш машет на меня руками.

– Мне уже пять лет! – напоминает он мне. – Большие мальчики ходят в туалет сами.

– Молодчина, – хвалит его Тед-старший. – Только руки потом не забудь вымыть.

Я опускаюсь на свое место, чувствуя себя глупо, но Каролина говорит мне, чтобы я не переживала.

– У Тедди сейчас новая фаза в развитии. Он отстаивает свою независимость.

– И делает все, чтобы не загреметь в тюрьму, – добавляет Тед.

У Каролины эта шутка, похоже, вызывает раздражение. Я недоумеваю, и она объясняет мне:

– Несколько месяцев назад у нас был один неловкий случай. Тедди продемонстрировал другим детям то, что демонстрировать не полагается. В смысле, снял перед ними трусы.

Для маленьких мальчиков такое поведение вполне типично, но для меня это стало неожиданностью, так что я, пожалуй,отреагировала слишком бурно.

Тед смеется:

– По-моему, ты назвала это сексуальным преступлением.

– Если бы он был взрослым мужчиной, это было бы квалифицировано как сексуальное преступление. Вот что я имела в виду, Тед. – Каролина оборачивается ко мне. – Но я согласна с тем, что мне следовало бы более тщательно выбирать слова.

– Наш сын даже шнурки завязывать не умеет, – говорит Тед, – а его уже записали в сексуальные маньяки.

Каролина демонстративно сбрасывает руку мужа со своего колена.

– Смысл в том, что Тедди усвоил урок. Интимные части тела – дело интимное. Всем подряд их не показывают. А дальше нужно будет объяснить ему про согласие и допустимые и недопустимые прикосновения, потому что ребенок должен понимать такие вещи.

– Я целиком и полностью с тобой согласен, – говорит Тед. – Даю тебе слово, Каролина, он будет самым просвещенным мальчиком в классе. Тебе не о чем беспокоиться.

– Он чудесный мальчик, – заверяю я ее. – Уверена, с такими родителями, как вы, он вырастет прекрасным человеком.

Каролина берет руку мужа и возвращает ее обратно к себе на колени.

– Я знаю, что ты прав. Просто я переживаю за него. Это сильнее меня!

Дальнейшего развития этот разговор не получает, поскольку к столику подбегает Тедди, запыхавшийся и готовый играть.

– А вот и наш герой! – со смехом говорит Тед.

После десерта пришло время идти в бассейн, и я вынуждена признаться, что у меня нет купальника и что в последний раз я плавала еще в школе. На следующий же день Тед выдает мне пятьсот долларов аванса в счет будущих заработков, и Каролина везет меня в торговый центр за сплошным купальником. А под вечер она забегает ко мне с ворохом нарядов на вешалках. Это симпатичные платья и топы от Бёрбери, Диор и DKNY, все новые или почти не ношенные. Она утверждает, что после того, как ее разнесло до восьмого размера, они стали ей малы и что я могу выбрать себе из них какие угодно, а остальное она сдаст в благотворительную комиссионку.

– И еще, можешь считать меня перестраховщицей, но я купила тебе вот что. – Она протягивает мне миниатюрный розовый фонарик с двумя металлическими зубцами на конце. – На случай, если ты решишь выйти на пробежку поздно вечером.

Я включаю его, и раздается громкий треск электрического разряда. От неожиданности я тут же роняю приборчик, и он

с грохотом летит на пол.

– Простите! Я думала, это...

– Нет-нет, это я виновата, что не предупредила. Это вайпертек мини. Вешается на связку с ключами. – Она поднимает электрошокер с пола и демонстрирует мне его возможности. – Тут есть кнопки «Свет» и «Разряд», а еще предохранитель. Его можно включить или отключить. Он дает разряд в десять тысяч вольт. Я как-то испробовала его на Теде. Исключительно ради того, чтобы проверить, работает он или нет. Так Тед сказал, у него было такое ощущение, как будто его ударило молнией.

Я не удивлена, что Каролина носит при себе средство самозащиты. Она упоминала, что у многих ее пациентов в ветеранском госпитале серьезные проблемы с психикой. Но я не понимаю, зачем мне брать с собой шокер на пробежку по Спрингбруку.

– Здесь что, часто случаются преступления?

– Практически никогда. Но две недели назад напали на девушку в машине примерно твоего возраста. Прямо на парковке у супермаркета. Какой-то мерзавец заставил ее подъехать к банкомату и снять триста долларов. Так что я решила, что лучше перестраховаться.

Каролина выжидающе смотрит на меня, и я понимаю, что она не успокоится, пока я не достану из кармана ключи и не прицеплю к ним эту штуковину. У меня такое чувство, что я снова оказалась под материнским присмотром.

– Он очень хорошенький, – говорю я Каролине. – Спасибо вам большое.

Сама работа несложная, и к новому режиму я тоже приноравливаюсь довольно быстро. Типичный рабочий день выглядит примерно таким образом:

6:30. – Я встаю рано, без будильника, потому что в лесу оглушительно поют птицы. Накинув халат, я делаю себе чай и овсянку, после чего сижу на крыльце и смотрю, как над бассейном встает солнце. Во двор забредает самая разнообразная живность: белки и лисицы, кролики и еноты, а иногда может заглянуть даже олень. Я чувствую себя Белоснежкой из старого мультфильма и даже начинаю выносить во двор блюдечки с черникой и семечками подсолнуха, чтобы побудить зверюшек присоединиться ко мне за завтраком.

7:30. – Я пересекаю двор и через раздвижные стеклянные двери вхожу в большой дом. Тед уезжает на работу очень рано, так что его уже нет. Каролина же крайне ревностно относится к тому, чтобы лично накормить сына горячим завтраком. Тедди обожает вафли домашнего приготовления, и она печет их в вафельнице, сделанной в виде Микки-Мауса. Пока я привожу кухню в порядок, Каролина собирается на работу, и когда она наконец уходит, мы с Тедди провожаем ее до автомобиля и машем на прощание.

8:00. – Прежде чем начать день по-настоящему, мы с Тедди должны сделать еще пару небольших дел. Во-первых, я

должна выложить для Тедди одежду, но это несложно, поскольку он всегда носит одно и то же. У этого малыша огромный гардероб из хороших одежек от «Гэп кидс», а он упрямо носит одну и ту же полосатую фиолетовую футболку. Каролине надоело постоянно стирать ее, поэтому она поехала в «Гэп» и купила еще пять точно таких же. Она готова потворствовать ему, но все же попросила меня «мягко подталкивать» его в сторону большего разнообразия. Выкладывая на кровати одежду для Тедди, я должна предлагать ему парочку других вариантов, однако он неизменно останавливает свой выбор на фиолетовой полоске. Затем я помогаю ему почистить зубы и жду за дверью, пока он сходит в туалет, после чего мы с ним готовы начинать день.

8:30. – Я стараюсь выстраивать каждое утро вокруг какого-нибудь большого дела или вылазки. Мы идем в библиотеку на Час рассказов или в супермаркет за всем необходимым для того, чтобы испечь печенье. Тедди радуется буквально всему и никогда не возражает против моих предложений. Когда я говорю ему, что нам нужно в супермаркет за зубной пастой, он реагирует так, как будто мы идем в парк развлечений. Находиться рядом с ним – сплошное удовольствие: он ласковый и смущенный малыш, фонтанирующий замысловатыми вопросами: а какая противоположность у квадрата? а почему у девочек такие длинные волосы? а в мире все по-настоящему? Мне никогда не надоест его слушать. Он мне как младший братишка, которого у меня никогда не было.

12:00. – Покончив с утренними делами, я готовлю простой обед: макароны с сыром, запеченные бейглы с начинкой или куриные нагетсы. Потом Тедди поднимается к себе в комнату на тихий час, а я могу передохнуть. Обычно я читаю книгу или слушаю какой-нибудь подкаст в наушниках, а иногда могу прилечь на диван и подремать минут двадцать. Потом спускается Тедди и будит меня, чтобы показать пару-тройку новых рисунков. Нередко на них изображены наши с ним любимые занятия: мы гуляем по лесу, играем на заднем дворе или бродим вокруг моего коттеджа. Я вешаю эти рисунки у себя на кухне, на дверце холодильника. Постепенно у меня образуется целая галерея, позволяющая отследить его прогресс в рисовании.

14:00. – Это обыкновенно самое жаркое время дня, так что мы либо играем дома в настольные игры, либо мажемся солнцезащитным кремом и идем к бассейну. Тедди не умеет плавать (а я хоть и умею, но не очень хорошо), так что я строго слежу за тем, чтобы он натянул нарукавники, прежде чем плюхнуться в воду. Потом мы играем в пятнашки или устраиваем бои на длинных разноцветных макаронинах для бассейна. Или забираемся на большой надувной матрас и разыгрываем сцены из «Титаника» или «Изгоя».

17:00. – Каролина возвращается с работы, и я рассказываю ей о событиях дня, пока она готовит ужин. Потом я выхожу на пробежку и бегу от трех до восьми миль, в зависимости от рекомендаций Рассела. Я пробегаю мимо людей, которые идут по тротуарам или поливают лужайки перед своими домами, и все они считают, что я живу в Спрингбруке. Кое-кто из соседей даже машет мне и здоровается, как будто я живу здесь всю жизнь, как будто я чья-то дочь, приехавшая из колледжа к родителям на летние каникулы. И знаете что? Мне нравится это ощущение – чувство общности, чувство, как будто я наконец-то оказалась дома.

19:00. – Вернувшись с пробежки, я наскоро ополаскиваюсь под душем в самой малюсенькой в мире ванной и сооружаю себе какой-нибудь несложный ужин на моей крошечной кухоньке. Раз или два в неделю я выбираюсь в город, прогуляться мимо местных ресторанчиков и магазинов. Иногда я захожу на открытое собрание в подвальном этаже церкви Пресвятой Богородицы Искупительницы. Ведущие дискуссии у них отличные, и все участники очень приветливы, но я неизменно оказываюсь младше всех остальных лет как минимум на десять, так что обзавестись здесь новыми друзьями не очень рассчитываю. Во всяком случае, я никогда не остаюсь на «собрание после собрания», когда все дружно идут в кафе по соседству, чтобы пожаловаться друг другу на своих детей, ипотеку, работу и все прочее. Прожив две недели в се-

мье Максвелл, надежно изолированная от всех искушений, я даже не уверена больше, что мне так уж и нужны эти собрания. Думаю, я уже в состоянии справляться самостоятельно.

21:00. – К этому часу я уже обыкновенно в постели, читаю библиотечную книгу или смотрю какой-нибудь фильм на телефоне. Я решила сделать себе подарок и оформила подписку на канал «Холлмарк», так что теперь могу без ограничений смотреть романтические фильмы всего за 5,99 доллара в месяц. Это идеальный способ расслабиться после рабочего дня. Как только я выключаю свет и моя голова касается подушки, я окунаюсь в блаженную идиллию хеппи-эндов, где семьи в конце концов всегда счастливо воссоединяются, а негодяи получают по заслугам, сокровища возвращаются законным владельцам, а поруганная честь неизменно оказывается восстановлена.

Возможно, все это покажется вам скучным. Я понимаю, что это не ядерная физика. И отдаю себе отчет в том, что не спасаю мир и не ищу лекарство от рака. Но после всех моих сложностей сейчас у меня такое ощущение, что я сделала огромный шаг вперед, и я горжусь собой. У меня есть свое отдельное жилье и стабильная, хорошо оплачиваемая работа. Я полноценно и разнообразно питаюсь и откладываю на будущее по две сотни в неделю. У меня есть ощущение, что, занимаясь с Тедди, я делаю важное дело. И ощущение собственной нужности и ценности, подкрепленное абсолютной верой в меня Теда и Каролины.

В особенности Теда. В дневное время мы с ним практически не встречаемся, поскольку он каждое утро уезжает на работу в шесть тридцать. Но иногда я вижу его по вечерам, после того как возвращаюсь с пробежки. Он или сидит в патио с бокалом вина и ноутбуком, или наматывает круги в бассейне. Заметив меня, он машет рукой и спрашивает, как мне бегалось. Или как прошел мой день с Тедди. Или интересуется моим мнением относительно какой-нибудь торговой марки – «Найк», «Петсмайт», «Жилетт», «Л. Л. Бин» и так далее. Тед поясняет, что его компания разрабатывает программное обеспечение для крупных корпораций по всему миру, и он находится в постоянном поиске все новых и новых партнеров.

– А что ты думаешь про «Урбан аутфиттерс»? – спрашивает он меня. Или: – А ты когда-нибудь ужинала в «Крекер баррел»?

И он действительно выслушивает мои ответы, как будто мое мнение и впрямь способно каким-то образом повлиять на его деловые решения. И, откровенно говоря, мне это льстит. За исключением Рассела, в моей жизни не так уж и много людей, которым есть дело до того, что я думаю. Так что я всегда рада видеть Теда и всегда испытываю легкое возбуждение, когда он заговаривает со мной.

Как это ни смешно, единственный персонаж, который доставляет мне неприятности на работе, это не кто иной, как несуществующая Аня. Воображаемая подружка моего

подопечного обладает раздражающей привычкой подбивать Тедди нарушать мои инструкции. К примеру, как-то раз я попросила Тедди собрать грязную одежду и сложить ее в корзину для белья. Когда два часа спустя я вновь захожу в его комнату, одежда все еще валяется на полу.

– Аня говорит, что это должна делать мама, – сообщает он мне. – Аня говорит, это ее обязанность.

В другой раз я поджариваю на обед хрустящие кубики тофу, когда Тедди вдруг просит у меня гамбургер. Я говорю, что ему нельзя гамбургер, и напоминаю, что его семья не ест красное мясо, потому что коровы – один из крупнейших источников углекислого газа, а он вредит окружающей среде. Я приношу ему тарелку риса с тофу, но Тедди принимается капризно ковырять в тарелке вилкой.

– Аня считает, что мясо мне очень бы понравилось, – говорит он. – Аня считает, что тофу – это гадость.

Я, конечно, не эксперт по детской психологии, но прекрасно понимаю, что делает Тедди: пытается использовать Аню как способ добиться своего. Я спрашиваю совета у Каролины, и та говорит, что нужно просто проявить терпение и проблема рано или поздно сама собой сойдет на нет.

– Он уже начал понемногу про нее забывать, – утверждает она. – Каждый раз, когда я прихожу с работы, я только и слышу: «Мэллори то» да «Мэллори сё». Аня в его разговорах уже целую неделю не всплывала.

А вот Тед, напротив, призывает меня проявить больше

твердости.

– От этой Ани одна головная боль. Правила здесь устанавливаем мы, а не она. Когда она в следующий раз решит высказать свое ценное мнение, просто напomini Тедди, что ее на самом деле не существует.

Я решаю держаться где-то посередине между двумя этими крайностями. Однажды, когда Тедди поднимается к себе на тихий час, я пеку целый противень его любимого сахарного печенья с корицей и, когда он спускается с новым рисунком, зову его за стол. Потом приношу печенье и два стакана холодного молока и как бы между делом прошу его рассказать мне про Аню поподробнее.

– Это как? – Он сразу же становится подозрительным.

– Ну, где вы познакомились? Какой у нее любимый цвет? Сколько ей лет?

Тедди пожимает плечами, как будто на все эти вопросы невозможно ответить. Его взгляд блуждает по кухне, как будто ему внезапно расхотелось смотреть мне в глаза.

– Кем она работает?

– Не знаю.

– А чем она занимается целый день?

– Я точно не знаю.

– Она вообще когда-нибудь из твоей комнаты выходит?

Тедди косится на пустое кресло в дальнем конце комнаты.

– Иногда.

Я тоже смотрю на кресло.

– Она сейчас здесь? Сидит с нами в комнате?

Он отрицательно качает головой.

– Нет.

– Может, она хочет печенья?

– Ее здесь нет, Мэллори.

– О чем вы с Аней разговариваете?

Тедди так низко опускает голову над тарелкой, что едва не утыкается носом в печенье.

– Я знаю, что она не настоящая, – шепчет он. – Ты можешь мне это не доказывать.

Вид у него грустный и подавленный, и я вдруг чувствую себя виноватой, как будто я только что насильно заставила пятилетнего ребенка признать, что Санта-Клауса не существует.

– Послушай, Тедди, у моей младшей сестрички, Бет, тоже была такая же подружка, как Аня. Ее подружку звали Кассиопея. Красивое имя, правда? Днем Кассиопея работала в ледовом шоу Диснея, которое гастролировало по всему миру, а на ночь возвращалась в наш маленький домик в Южной Филадельфии и спала на полу у нас в комнате. Мне приходилось быть очень осторожной, чтобы не наступить на нее, потому что она была невидимой.

– Бет думала, что Кассиопея настоящая?

– Мы делали вид, что она настоящая. И это всех устраивало, потому что Бет никогда не использовала Кассиопею для того, чтобы нарушать правила. Ты понимаешь?

– Кажется, да, – отвечает Тедди, а потом вдруг принимается ерзать на своем стульчике, как будто у него внезапно заболел бок. – Мне нужно в туалет. По-большому.

Он сползает со стула и несется к выходу из кухни.

К полднику он даже не притронулся. Я накрываю печенье полиэтиленовой пленкой, а стаканы с молоком убираю в холодильник. Затем иду к раковине и мою посуду. Когда я заканчиваю, Тедди все еще заседает в туалете. Я сажусь за стол и понимаю, что не успела полюбоваться его последним творением, поэтому беру лист бумаги и переворачиваю его лицом вверх.

Родители Тедди придерживаются строгих правил относительно времени, которое можно проводить перед экраном, поэтому он никогда не видел ни «Звездных войн», ни «Истории игрушек». Ему даже «Улицу Сезам» смотреть не разрешают. Но раз в неделю Максвеллы собираются в кабинете и устраивают семейный кинопросмотр. Каролина делает попкорн, а Тед включает фильм, обладающий «подлинной художественной ценностью», что на практике обыкновенно означает какое-нибудь старье или картину на иностранном языке с субтитрами, и гарантирую вам, что из них всех вы слышали разве что о «Волшебнике из страны Оз». Тедди его обожает и утверждает, что это его самый любимый фильм.

Так что, плавая с ним в бассейне, мы частенько играем в воображаемую страну Оз. Мы держимся за надувной матрас, и Тедди изображает Дороти, а я – всех остальных: Тотошку, Страшилу, Злую ведьму и Жевунов. И не хочу хвастаться, но я выкладываюсь по полной программе – пою, танцую и хлопаю крыльями, как Летучая обезьяна, и вообще веду себя как звезда Бродвея на премьерном показе. На то, чтобы добраться до финала, когда матрас превращается в воздушный шар, который уносит Тедди-Дороти обратно в Канзас, у нас уходит примерно час. И к тому моменту, когда мы заканчи-

ваем и раскланиваемся, у меня обычно от холода зуб на зуб не попадает, так что я вынуждена вылезти из воды.

– Нет! – кричит Тедди.

– Прости, Тедди-медведик, я вся окоченела.

Я расстилаю на краю бассейна полотенце и ложусь греться на солнышке. Жара стоит за тридцать градусов, так что солнечные лучи быстро избавляют меня от озноба. Тедди упорно плещется в бассейне рядышком. Теперь он придумал новую игру: набирает полный рот воды и выплевывает ее – ни дать ни взять крылатый херувимчик в фонтане.

– Не делай так, – говорю я ему. – Там хлорка.

– От нее у меня заболит живот?

– Если наглотаешься, то да.

– И тогда я умру?

Внезапно вид у него становится очень обеспокоенный. Я качаю головой.

– Если бы ты выпил целый бассейн, то да, ты мог бы умереть. Но ты не пей совсем нисколько, ладно?

Тедди забирается на матрас и подплывает к краю бассейна, так что мы оказываемся параллельно друг другу – Тедди на матрасе, а я на бортике.

– Мэллори?

– Что?

– А что происходит, когда человек умирает?

Я поворачиваю к нему голову. Он смотрит в воду.

– В каком смысле?

– В смысле, что происходит с человеком *внутри* тела?

Ну, у меня-то на этот счет имеется твердое мнение. Я верю в божественный дар вечной жизни. И меня очень поддерживает мысль, что моя младшая сестренка Бет окружена ангелами. Я знаю, что когда-нибудь, если мне повезет, мы с ней воссоединимся на небесах. Но Тедди я ничего этого не говорю, поскольку хорошо помню свое собеседование и правило номер десять: «Никакой религии и суеверий. Мы верим в науку».

– Думаю, тебе лучше задать этот вопрос своим родителям.

– А ты почему не можешь мне сказать?

– Я не уверена, что знаю ответ.

– А может так быть, что какой-то человек умер, но все равно остался жив?

– В смысле, стал привидением?

– Нет, ничего такого страшного. – Ему сложно найти подходящие слова, чтобы выразить свою мысль, как, наверное, и всем нам, когда мы обсуждаем подобные темы. – Какая-то часть человека остается в живых?

– Это очень большой и сложный вопрос, Тедди. Я правда думаю, что тебе лучше спросить об этом своих родителей.

Он явно раздосадован тем, что я ушла от ответа, но, похоже, не видит иного выхода, кроме как смириться с этим.

– А когда мы с тобой будем снова играть в страну Оз?

– Мы же только что закончили!

– Только ту сцену, где ведьма тает, – просит он. – Только

самый конец.

– Ладно. Но, чур, в воду я больше не полезу!

Я поднимаюсь и накидываю полотенце на плечи, как будто это ведьмин плащ. Потом скрючиваю пальцы, изображая когти, и заливаюсь безумным смехом. «Я разделаюсь с тобой, моя прелесть, и с твоей собачонкой!» Тедди брызгает на меня водой, и я верещу так громко и пронзительно, что с деревьев в испуге вспархивают птицы.

– Ах ты, мерзавка, что же ты наделала! – Я в высшей степени театрально оседаю на бетонную плиту, размахивая руками и корчась в агонии. – Я таю! Таю! Как же это?

Тедди заливается смехом и аплодирует, и я, упав навзничь, закрываю глаза и высовываю язык. Еще несколько подергиваний напоследок – и я затихаю.

– Э-э... мисс?

Я открываю глаза.

От силы в пяти шагах от нас по ту сторону ограждения стоит парень – сухощавый, хорошо сложенный, в шортах с зелеными пятнами от травы, футболке с эмблемой Ратгерского университета и рабочих перчатках.

– Я из «Короля газонов». Ландшафтные услуги.

– *Hola*, Адриан! – восклицает Тедди.

Адриан подмигивает ему.

– *Hola*, Тедди. ¿Cómo estás?¹

Я судорожно пытаюсь прикрыться полотенцем, только вот

¹ Привет... Как дела? (исп.) – Здесь и далее примечания переводчика.

беда – я на нем лежу, поэтому дело заканчивается тем, что я барахтаюсь, как жук, перевернутый на спину.

– Я сейчас пригоню сюда большую газонокосилку, если вы не против. Просто хотел предупредить заранее. Она довольно шумная.

– Конечно, – говорю я. – Мы можем уйти в дом.

– Нет, мы обязательно должны смотреть! – заявляет Тедди.

Адриан уходит за газонокосилкой, а я поворачиваюсь к Тедди.

– Почему мы обязательно должны смотреть?

– Потому что мне нравится большая газонокосилка! Она классная!

Я слышу приближающуюся газонокосилку еще до того, как вижу ее: шум бензинового мотора взрывает уютную тишину нашего убежища на заднем дворе. Затем из-за угла дома появляется Адриан верхом на машине, которая представляет собой нечто среднее между трактором и гоночным картом. Он стоит в кузове, склонившись над рулем, как будто едет на вездеходе, оставляя за собой полосы свежескошенной травы. Тедди выбирается из бассейна и бежит к ограждению, чтобы лучше видеть. Косильщик рисует: закладывает крутые повороты, дает задний ход, даже надвигает бейсболку на глаза, чтобы продемонстрировать, что управляет агрегатом вслепую. Не самый лучший пример для маленького ребенка, но Тедди прямо-таки прирос к месту: раскрыв рот,

он заворуженно наблюдает за этим зрелищем, как будто это представление Цирка дю Солей. В качестве заключительной ноты Адриан дает задний ход, прибавляет газу, потом переключается на переднюю передачу и, сделав рывок, приподнимает косилку на двух задних колесах, так что нашим изумленным взглядам на несколько секунд открывается зрелище бешено вращающихся лезвий под днищем. Затем машина с грохотом приземляется и тормозит в считанных дюймах от ограждения бассейна.

Адриан спрыгивает наземь и протягивает Тедди ключи.

– Хочешь сделать кружочек?

– А можно? – спрашивает Тедди.

– Нет уж! – вмешиваюсь я. – Никаких кружочков!

– Может быть, когда тебе стукнет шесть, – подмигивает

Адриан. – Ты собираешься представить меня своей новой подружке?

Тедди пожимает плечами.

– Это моя няня.

– Мэллори Куинн.

– Приятно с вами познакомиться, Мэллори.

Он стаскивает рабочую перчатку и протягивает мне руку. В этом жесте проскальзывает какая-то странная церемонность, в особенности, учитывая, что на мне купальник, а Адриан весь в грязи и обрезках травы. У меня мелькает мысль, что не так-то он прост, каким кажется на первый взгляд. Ладонь у него загрубевшая, точно дубленая кожа.

Внезапно Тедди что-то вспоминает и принимается дергать дверцу защитного ограждения, пытаясь ее открыть.

– Что ты делаешь?

– Я нарисовал для Адриана картинку, – отвечает он. – Она там, в доме. У меня в комнате.

Я поднимаю задвижку, чтобы он мог выйти, и Тедди бежит по лужайке к дому.

– У тебя ноги мокрые! – кричу я ему вслед. – Осторожно, не поскользнься на лестнице!

– Хорошо! – отзывается он.

В отсутствие Тедди мы с Адрианом вынуждены поддерживать неловкую беседу. Мне сложно вот так с ходу определить, сколько ему лет. У него тело взрослого мужчины – высокое, подтянутое, загорелое и мускулистое, – а вот лицо при этом совершенно мальчишеское и немного застенчивое. Можно дать и семнадцать, и двадцать пять.

– Мне нравится этот малыш, – говорит Адриан. – За время жизни в Барселоне он немного выучил испанский, так что я учу его новым фразам. Вы постоянно за ним присматриваете?

– Меня наняли только на лето. В сентябре он идет в школу.

– А вы? Куда вы идете?

И тут до меня доходит, что он принимает меня за такую же, как и он сам, студентку. Видимо, он решил, что я местная, что я живу здесь, в Спрингбруке, где все девушки учатся

либо в престижных колледжах, либо в университетах. Я открываю рот, чтобы развеять это заблуждение, но не знаю, как сказать: «Я никуда не иду», чтобы не выставить себя неудачницей. Конечно, никто не мешает мне выложить всю свою ужасную историю целиком, но наш ни к чему не обязывающий разговор к этому не располагает, так что я решаю не разубеждать Адриана и делаю вид, что моя жизнь не полетела в один далеко не прекрасный день под откос и все пошло так, как и было задумано.

– В Пенсильванский университет. Я в студенческой легкоатлетической сборной.

– Серьезно? Вы спортсменка Большой Десятки?²

– Ну, строго говоря, да. Но все лавры достаются футбольной команде. Нас вы по телевизору никогда не увидите.

Я знаю, что врать неправильно. Существенная – и, возможно, важнейшая – часть реабилитации заключается в том, чтобы принять свое прошлое и признать все ошибки, которые ты сделал. Но должна признаться, мне очень приятно примерять на себя эту выдумку, делать вид, что я – все еще самый обычный подросток с самыми обычными подростковыми устремлениями.

Адриан щелкает пальцами, как будто на него нашло внезапное озарение.

² *Большая Десятка* – старейшая ассоциация студенческих спортивных команд первого дивизиона в США. Вопреки названию, в настоящее время в нее входят команды 14 университетов.

– А, так это вы бегаєте по вечерам? По окрестным улицам?

– Да, это я.

– Я видел, как вы тренировались! Вы очень быстро бегаєте!

Я задаюсь вопросом, какой работой косильщик может заниматься в окрестных домах после наступления темноты, но спросить его об этом не успеваю, потому что Тедди уже несетя по двору к нам, сжимая в руке лист бумаги.

– Вот! – выдыхает он, добежав. – Я хранил его для тебя.

– Ух ты, здорово! – говорит Адриан. – Вы гляньте только на эти солнечные очки! О, а я симпатяга, правда?

Он показывает мне рисунок, и я не могу удержаться от смеха. Он выглядит как схематический человечек, вроде тех, каких рисуют в игре в «Виселицу».

– Настоящий красавец, – соглашаюсь я.

– *Muy guapo*, – говорит Адриан Тедди. – Это будет твое новое испанское слово на эту неделю. Оно означает «супер-красивый».

– *Muy guapo?*

– *Виено!* Превосходно!

Из-за угла большого дома появляется пожилой мужчина и через двор направляется к нам. Он приземистый, с морщинистой загорелой кожей и коротким ежиком седых волос.

– Адриан! – кричит он, и по его тону я догадываюсь, что он недоволен. – *¿Qué demonos estás haciendo?*³

Адриан машет ему в ответ, потом бросает смешливый взгляд в нашу сторону.

– Это Эль Хефе. Мне надо идти. Но я вернусь через две недели, Тедди. Спасибо тебе за рисунок. И удачи вам в тренировках, Мэллори. Буду ждать, когда вас покажут по телевизору, договорились?

– *Prisa!* – кричит старик. – *Ven aqui!*⁴

– Иду, иду! – кричит в ответ Адриан.

Он запрыгивает на косилку, заводит ее и через секунду оказывается на противоположном конце двора. Я слышу, как он по-испански извиняется перед стариком, но тот в ответ лишь кричит на него, и они продолжают ругаться, пока не

³ Где тебя черти носят? (*исп.*)

⁴ Скорей! Иди сюда! (*исп.*)

скрываются за домом. В старших классах я с горем пополам учила испанский и помню, что «el jefe» значит «босс», но они говорят слишком быстро, и я ничего не могу понять.

Тедди, похоже, встревожен.

– У Адриана будут неприятности?

– Надеюсь, что нет.

С этими словами я обвожу двор взглядом и с изумлением отмечаю, что – несмотря на все Адрианово дурачество с газонокосилкой – свежестриженная лужайка выглядит просто фантастически.

Максвеллы установили на заднем дворе небольшой летний душ, чтобы можно было ополоснуться после бассейна. Это крохотная деревянная кабинка размером с телефонную будку, если кто-то, конечно, еще помнит, что это такое; Каролина зачем-то держит там дорогие шампуни и гели для душа. Тедди идет в душ первым, а я через дверь даю ему указания, напоминая, чтобы не забыл вымыть голову и хорошенько выжать плавательные шорты. Закончив, он выходит из кабинки, завернутый в пляжное полотенце.

– Я – вегетарианский буррито!

– Ты прелесть, – говорю ему я. – А теперь беги одевайся, а я тоже ополоснусь и приду к тебе наверх.

Я вешаю полотенце и уже собираюсь зайти в душевую кабинку, как вдруг женский голос окликает меня по имени.

– Ты же Мэллори, да? Новая няня?

Я оборачиваюсь и вижу, что ко мне через двор нетвердой походкой спешит соседка Максвеллов, невысокая широкобедрая женщина в возрасте. Каролина предупреждала меня, что она слегка не в себе и почти не выходит из дому, однако же она стоит передо мной собственной персоной, одетая в аквамаринное гавайское платье и с ног до головы обвешанная украшениями: на шее многочисленные золотые цепочки с хрустальными амулетами, в ушах болтаются крупные кольца, на запястьях позвякивают браслеты, а пальцы рук и ног унизаны перстнями.

– Я Митци, милая, ваша соседка. А поскольку ты тут новенькая, хочу дать тебе дружеский совет: когда поблизости ошиваются эти газонокосильщики, не стоит сидеть вот так у бассейна, выставляя все напоказ. – Она делает жест в сторону моего торса. – В мое время это называлось провокацией.

Она подходит ближе, и в нос мне ударяет запах жженных тряпок. То ли ей не помешало бы принять душ, то ли она просто хорошо под кайфом. Возможно, и то и другое сразу.

– Прошу прощения?

– У тебя отличная фигура, и я понимаю, что тебе хочется ее продемонстрировать. Конечно, мы живем в свободной стране, и я за то, чтобы каждый мог поступать так, как ему нравится. Но если речь идет об этих мексиканцах, осторожность никогда не помешает. Ради твоего же собственного блага. Береженого бог бережет. Ты меня понимаешь? – Я открываю рот, чтобы ответить, но она не дает мне вставить ни

слова. – Может, это и прозвучит расистски, но это правда. Эти люди – они уже однажды нарушили закон, когда пробрались сюда к нам через границу. Так что, если преступник увидит хорошенькую девушку в полном одиночестве на заднем дворе, что его остановит?

– Вы это серьезно?

Чтобы придать веса своим словам, она стискивает мое запястье. Рука ее дрожит.

– Серьезнее не бывает, принцесса. Задницу лучше прикрывать.

Со второго этажа Тедди кричит через сетку, которой затянуто открытое окно его комнаты:

– Мэллори, а можно мне фруктовый лед?

– После того, как я приму душ, – отзываюсь я. – Через пять минут.

Митци машет Тедди рукой, и он скрывается из виду.

– Милый малыш. И мордашка у него такая славная. А вот родители его мне не очень нравятся. Чересчур уж заносчивые. Ты не находишь?

– Ну...

– Когда они въехали в этот дом, я приготовила для них лазанью. Просто по-соседски. И вот приношу я ее им, и знаешь, что она мне говорит? Она говорит: «Простите, но я не могу принять ваш подарок». Из-за мясного фарша.

– Возможно...

– Прости, золотце, но так в подобной ситуации себя не

ведут. Воспитанный человек улыбнулся бы, сказал спасибо, взял лазанью и потом выкинул бы ее в ведро. А не швырнул ее мне в лицо. Это невежливо. А папаша еще хуже! Он, наверное, доводит тебя до белого каления.

– Вообще-то...

– Ч-ш-ш, ты еще ребенок. Ты пока не умеешь разбираться в людях. Я теплый человек и очень эмпатичный. Я зарабатываю на жизнь чтением ауры. Ко мне с утра до вечера приходят клиенты, сама увидишь, но не волнуйся, никакими сомнительными делишками я не занимаюсь. После того как мне удалили матку, я потеряла к таким вещам всякий интерес. – Она подмигивает мне. – Скажи, а как тебе живется в твоём домике? Тебе никогда не бывает страшно ночевать тут в полном одиночестве?

– А почему мне должно быть страшно?

– Из-за этой истории.

– Из-за какой еще истории?

И тут впервые за все время нашего разговора Митци теряется. Она принимается теребить прядку волос, наматывая ее на палец, пока не скручивает в тонкий жгутик. Тогда она выдергивает его с корнем и бросает через плечо.

– Тебе лучше спросить об этом у своих хозяев.

– Они только что сюда переехали. Они ничего не знают.

О какой истории вы говорите?

– Когда я была ребенком, мы называли твой коттедж Домом Дьявола. Мы подбивали друг друга заглянуть в окошко.

Мой брат предлагал мне четвертак, если я простою на крыльце столько времени, сколько нужно, чтобы вслух досчитать до ста, но я всегда трусила.

– Почему?

– Тут была убита одна девушка. Энни Барретт. Она была художницей, и в этом домике у нее была студия.

– Ее убили прямо в коттедже?

– Ну, ее тела так и не нашли. Это было очень давно, сразу же после Второй мировой.

В окне второго этажа вновь появляется физиономия Тедди.

– А пять минут уже прошли?

– Почти, – говорю я ему.

Когда я снова перевожу взгляд на Митци, та уже направляется через двор обратно к себе.

– Не заставляй милого ангелочка ждать. Идите есть свое мороженое.

– Погодите, так чем закончилась вся эта история?

– Ничем не закончилась. После того как Энни погибла – или пропала без вести, кто знает, – ее родные сделали из коттеджа сарай. И никому не позволяли находиться внутри. И с тех пор так все и было, все семьдесят с гаком лет. До этого месяца.

Каролина возвращается домой с полным багажником еды, так что я помогаю ей выгрузить и разобрать сумки. Тедди

рисует у себя в комнате наверху, и я пользуюсь возможностью, чтобы спросить Каролину про историю, которую рассказала мне Митци.

– Я же говорила тебе, что у нее не все дома, – говорит она. – Она считает, что почтальон вскрывает над паром ее счета из банка, чтобы узнать ее кредитный рейтинг. Она чокнутая.

– Она сказала, что здесь убили какую-то девушку.

– Восемьдесят лет назад. Это очень старый городок, Мэллори. Здесь у каждого дома есть какая-нибудь жуткая история. – Каролина открывает холодильник и принимается складывать в овощной ящик шпинат, китайскую капусту и пучки редиски с приставшей к розовым хвостикам землей. – И потом, предыдущие владельцы прожили здесь сорок лет, так что у них явно не было никаких проблем.

– Ну да, это верно. – Я достаю из холщовой сумки упаковку с шестью бутылками кокосовой воды. – Только они же использовали коттедж в качестве сарая, так ведь? Там никто не ночевал.

Терпение Каролины явно на исходе. Я вижу, что у нее был тяжелый день в клинике и она не горит желанием отвечать на дурацкие вопросы, едва войдя в дом.

– Мэллори, эта женщина за свою жизнь, вероятно, употребила больше наркотиков, чем все мои пациенты, вместе взятые. Я удивлена, что она вообще еще жива, но с головой у нее совершенно определенно не в порядке. Она нервная,

дерганая, параноидальная истеричка. И как человек, которого заботит твое благополучие, я настаиваю на том, чтобы ты ограничила общение с ней, ясно?

– Я знаю, знаю, – говорю я и подавленно умолкаю.

Каролина никогда еще не была так близка к тому, чтобы на меня накричать. Больше я ничего не говорю, просто открываю кладовку и начинаю складывать туда упаковки риса арборио, кускуса и цельнозерновых крекеров. Я ставлю на полки бесчисленные пакеты овсяных хлопьев, сырого миндаля, турецких фиников и странных сморщенных грибов. Каролина, по-видимому, чувствует, что я все еще расстроена, потому что подходит и кладет руку мне на плечо.

– Послушай, у нас на втором этаже есть отличная гостевая комната. Если хочешь, можешь туда перебраться. Тедди будет вне себя от радости. Ну, что скажешь?

И вдруг каким-то образом оказывается, что ее рука уже не просто лежит у меня на плече, а она меня обнимает.

– Меня все устраивает, – говорю я ей. – Мне нравится иметь личное пространство. Это хорошая подготовка к самостоятельной жизни.

– Если передумаешь, только скажи. В этом доме тебе всегда рады.

Вечером я натягиваю кроссовки и выхожу на пробежку. Хотя уже стемнело, на улице все еще ужасно жарко и душно. Я испытываю удовольствие от преодоления себя, оттого, что

бегу, преодолевая боль. У Рассела есть одна присказка, которую я люблю: он говорит, что мы не узнаем, на что способен наш организм, пока не поставим его в жесткие условия. Так вот, сегодня вечером я себя не щажу. Я делаю несколько забегов с ускорением туда-сюда по тротуару, потом бегу по улице, то погружаясь в тень между фонарями, то вновь выныривая из нее. В воздухе роятся светлячки и стоит непрекращающийся гул кондиционеров. Я пробегаю 5,2 мили за тридцать восемь минут и медленным шагом возвращаюсь домой, чувствуя себя полностью выложившейся.

Я снова принимаю душ – на этот раз в моей микроскопической ванной, – после чего съедаю незатейливый ужин: разогреваю в мини-духовке пиццу и полпинты мороженого на десерт. Сегодня я его заслужила.

Когда я заканчиваю ужинать, уже десятый час. Я выключаю весь свет, кроме ночника на прикроватной тумбочке, беру телефон, забираюсь в мою большую белоснежную постель и включаю фильм под названием «Зимняя любовь». Но сосредоточиться никак не выходит. То ли я уже видела этот фильм, то ли сюжет просто один в один повторяет десяток других холлмарковских фильмов. Вдобавок в домике немножко душно, так что я вылезая из постели и открываю шторы.

Сбоку от входной двери имеется большое окно, а еще одно, поменьше, расположено над моей кроватью, и на ночь я оставляю их открытыми, чтобы было движение воздуха. Под потолком лениво вращаются лопасти вентилятора. За окна-

ми в лесу стрекочут кузнечики, а время от времени до меня доносится негромкий шорох опавших листьев под лапами какой-нибудь мелкой лесной зверюшки.

Я забираюсь обратно в постель и включаю фильм заново с самого начала. Примерно раз в минуту о противомоскитную сетку какого-нибудь из окон начинает биться мотылек, привлеченный светом ночника. В стену за кроватью что-то стучится, но я знаю, что это всего лишь ветка; с трех сторон вплотную к дому подходят деревья, и их ветви задевают за стены каждый раз, когда поднимается ветер. Я бросаю взгляд на дверь, чтобы убедиться, что она заперта, но замок совсем хлипкий и решительно настроенного взломщика никоим образом не остановит.

И тут до меня доносится какой-то звук, пронзительный писк, как будто где-то у меня над самым ухом зудит комар. Я отмахиваюсь, но через несколько секунд комар возвращается – серая пылинка, маячащая где-то на самом краю поля зрения и всегда недостижимая. Мне вдруг вспоминается та докторша из Пенсильванского университета с ее научным экспериментом, которого на самом деле не было.

Это первая ночь в моем коттедже, когда у меня возникло ощущение, что за мной кто-то наблюдает.

5

Выходные у меня обычно проходят очень спокойно. Каро-

лина с Тедом частенько устраивают семейные вылазки: едут все вместе на океан или везут Тедди в город в какой-нибудь музей. Они всегда приглашают меня с собой, но я неизменно отказываюсь: не хочу покушаться на их семейное время. Вместо этого я придумываю какие-нибудь дела в коттедже, чтобы чем-то себя занять, поскольку праздность влечет за собой искушения и далее по тексту. В субботу вечером, когда миллионы молодых людей по всей стране пьют, флиртуют, смеются и занимаются любовью, я, скорчившись возле унитаза с бутылкой чистящего спрея, оттираю швы на кафельном полу. По воскресеньям дело обстоит немногим лучше. Я побывала во всех окрестных церквях, но пока что ни одна меня не зацепила. Я всегда младше всех остальных прихожан как минимум лет на двадцать, и мне не нравится, когда на меня смотрят как на какое-то чудо природы.

Иногда меня очень подмывает вернуться в социальные сети, восстановить мои странички в «Инстаграме» и «Фейсбуке», но все мои кураторы как один предупреждали меня, чтобы я держалась от них подальше. Они утверждают, что эти сайты сами по себе несут риск зависимости и способны нанести непоправимый ущерб самооценке молодого человека. Поэтому я стараюсь занимать свой досуг простыми и понятными удовольствиями: пробежками, готовкой еды, прогулками на свежем воздухе.

И тем не менее я всегда очень радуюсь, когда выходные заканчиваются и я могу наконец вернуться к работе. В по-

недельник утром я прихожу в большой дом и обнаруживаю Тедди на полу под кухонным столом. Он играет с пластмассовыми фигурками домашних животных.

– Привет, Тедди-медведик! Как дела? – (Он высовывает из-под стола пластмассовую корову и мычит.) – О, так ты у нас теперь корова? Ну что ж, значит, я тогда пастух! Здорово!

Каролина мечется по кухне, сжимая в руках ключи от машины, сотовый телефон и несколько пухлых папок с документами. Она просит меня на минутку выйти с ней в холл. Как только мы оказываемся на достаточном расстоянии от ушей Тедди, она объясняет, что ночью он описался и она отправила его постельное белье в стирку.

– Переложить все в сушильную машину, когда достираться, ладно? Постель я ему уже перестелила.

– Конечно. Тедди хорошо себя чувствует?

– С ним все в полном порядке. Просто немного смущен. В последнее время такие проколы с ним часто случаются. Это все стресс от переезда. – Она достает из шкафа в холле сумочку и перекидывает ее через плечо. – Только не говори ему, что я тебе рассказала. Он не хочет, чтобы ты об этом знала.

– Я буду молчать, как рыба.

– Спасибо, Мэллори. Что бы я без тебя делала!

Самое любимое утреннее развлечение Тедди – вылазка в

Заколдованный лес на краю участка. Ветви деревьев образуют над нашими головами плотный зеленый полог, так что в лесу прохладно даже в самые жаркие дни. Дорожки не нанесены ни на одну карту и никак не называются, так что мы дали им свои имена. Дорогой, Вымощенной Желтым Кирпичом, мы называем утопанную тропу, которая начинается прямо за моим коттеджем и тянется параллельно домам на Эджвуд-стрит. Мы идем по ней до большого серого валуна, который именуется Драконьим яйцом, а затем сворачиваем на Драконью стежку – узенькую тропку, которая вьется сквозь густые заросли колючих кустов. Нам приходится идти гуськом, вытянув руки, чтобы не оцарапаться. Тропка приводит нас вниз, к Королевской реке (зловонному ленивому ручью глубиной от силы по пояс) и Мшистому мосту – длинному трухлявому бревну, соединяющему оба берега и покрытому тиной и странными грибами. Мы на цыпочках перебираемся на другой берег и идем по тропке до Гигантского Бобового Стебля – самого высокого дерева в лесу, ветви которого достают до неба.

Во всяком случае, так утверждает Тедди. Он на ходу сочиняет замысловатые истории и рассказывает о приключениях принца Тедди и принцессы Мэллори, отважных брата и сестры, волею судьбы разлученных с королевской семьей и пытающихся найти дорогу домой. Иной раз за все утро мы не встречаем ни одной живой души. Редко-редко попадетесь навстречу человек с собакой. А вот детей мы не видим прак-

тически никогда, и я подозреваю, что именно поэтому Тедди так любит сюда ходить.

С Каролиной, впрочем, я этими подозрениями не делюсь.

После двухчасовых блужданий по лесу, нагуляв аппетит, мы возвращаемся домой, и я делаю горячие бутерброды с сыром. Затем Тедди отправляется на тихий час, а я вспоминаю, что так и не вынула постельное белье из сушильной машины, и поднимаюсь наверх, в прачечную.

Проходя мимо комнаты Тедди, я слышу, как он разговаривает сам с собой. Я останавливаюсь и прикладываю ухо к двери, но разбираю лишь отрывочные слова. Это примерно как слушать человека, который с кем-то разговаривает по телефону, но большую часть времени говорит не он, а этот кто-то. Все его реплики отделены друг от друга паузами — одни из них длиннее, другие короче.

— Может быть? Но я...

—

— Я не знаю.

—

— Облака? Большие такие? И пушистые?

—

— Прости. Я не понима...

—

— Звезды? Ясно, звезды!

—

— Много звезд, я понял.

—

Мне так любопытно, что я уже совсем было собираюсь постучать, но тут в холле звонит телефон, и я спешу по лестнице вниз.

У Теда с Каролиной, разумеется, есть мобильники, но они настаивают на том, что в доме должен быть стационарный телефон, чтобы Тедди мог в случае чрезвычайной ситуации набрать 911.

— Алло? — говорю я.

Женский голос в трубке представляется директрисой начальной школы Спрингбрука.

— Это Каролина Максвелл?

Я объясняю, что я няня, и она говорит, что ничего срочного у нее нет, она просто звонит, чтобы лично познакомиться с Максвеллами.

— Я стараюсь поговорить со всеми родителями до того, как начнется учеба, потому что обычно у них множество тревог.

Я записываю ее имя и телефон и обещаю передать все Каролине. Некоторое время спустя на кухню приходит Тедди с новым рисунком. Он кладет его на стол лицом вниз и забирается на стул.

— А можно мне зеленый перец?

— Конечно.

Сладкий зеленый перец — любимое лакомство Тедди, так что Каролина закупает его в промышленных количествах. Я достаю перец из холодильника, споласкиваю под холодной

водой и вырезаю черенок. Затем срезаю верхушку и шинкую перец на полоски такого размера, чтобы их удобно было класть в рот.

Мы сидим за столом, Тедди радостно жует свой перец, и тут я вспоминаю про картинку. На ней изображен мужчина, который по лесной чаще тащит за лодыжки женщину, так что ее безжизненное тело волочится по земле. На заднем плане, между деревьями, виднеется тонкий серпик месяца и множество маленьких звездочек.

– Тедди? Это что такое?

Он пожимает плечами.

– Игра.

– Что это за игра такая?

Он впивается зубами в кусок перца и отвечает с набитым ртом:

– Аня разыгрывает историю, а я ее рисую.

– Как в «Пикшинари»?

Тедди фыркает так, что жеванные кусочки перца разлетаются у него изо рта в разные стороны.

– «Пикшинари»? – Он с размаху откидывается на спинку стула и заливается истерическим смехом, и я хватаю бумажное полотенце, чтобы протереть столешницу. – Аня не может играть в «Пикшинари»!

Я мягко уговариваю его успокоиться и выпить воды.

– Давай начнем сначала, – говорю я ему, стараясь придать своему тону небрежность. Не хочу, чтобы Тедди догадался, что я до смерти перепугана. – Объясни мне, как играть в эту игру.

– Я же тебе сказал, Мэллори. Аня разыгрывает историю, а я должен ее нарисовать. Вот и все. Вот и вся игра.

– А что это за мужчина?

– Я не знаю.

– Он сделал с Аней что-то плохое?

– Откуда я знаю! Это не «Пикшинари»! Аня не может иг-

рать в настольные игры!

С этими словами он снова откидывается на спинку стула и заливается смехом в той блаженной беззаботной манере, какая свойственна только детям. Смех у него такой веселый и искренний, и я решаю, что мое беспокойство не имеет под собой никаких оснований. Тедди явно ничто не гнетет. Он выглядит абсолютно таким же жизнерадостным, как и любой другой ребенок. Ну придумал он себе странную воображаемую подружку и играет с ней в странные воображаемые игры – и что в этом такого?

Тедди между тем продолжает бурно веселиться. Я встаю и несу рисунок в ящик для документов. Там Каролина держит папку, куда просила меня складывать все рисунки Тедди, чтобы она могла потом отсканировать их и хранить в электронном виде в компьютере.

Но Тедди замечает, что я делаю.

Он прекращает смеяться и качает головой.

– Не надо показывать его маме и папе. Аня говорит, она хочет, чтобы он был у тебя.

Вечером я отправляюсь пешком в большой торговый центр в миле от нас, где есть магазин электроники, и трачу часть своих сбережений на недорогой планшет. К восьми вечера я уже у себя в коттедже. Я запираю дверь, переодеваюсь в пижаму и забираюсь в постель со своей новой игрушкой. На то, чтобы настроить планшет и подсоединиться к Wi-Fi

Максвеллов, у меня уходит всего несколько минут.

Поиск по словосочетанию Энни Барретт выдает шестнадцать миллионов результатов: архитектурные бюро, маленькие онлайн-магазинчики, мастер-классы по йоге и десятки страниц в «Фейсбуке», «Инстаграме» и «Твиттере». Я снова запускаю поиск, добавив к имени Энни Барретт сначала запрос «художница», а потом «умерла» и «убита», но ничего полезного не находится. В Интернете нет никаких сведений о ней.

Снаружи прямо над моей головой что-то с размаху шлепается о противомоскитную сетку в окне. Я знаю, что это очередной жирный коричневый мотылек, которыми кишит лес. Их крылья цветом и текстурой напоминают древесную кору – это называется «защитная окраска», – но отсюда, с моей стороны, мне видны только их склизкие членистые подбрюшья, три пары ног и два нервных усика. Я щелкаю по сетке, и они отлетают, но через несколько секунд, покружив неподалеку, возвращаются обратно. Я боюсь, что они найдут какую-нибудь дырочку в сетке и, протиснувшись сквозь нее в комнату, будут роиться вокруг ночника.

Рядом с ночником лежит рисунок, на котором Аню тащат по земле в лес. Наверное, не стоило мне оставлять его у себя. Наверное, надо было отдать его Каролине, как только она переступила через порог. Или вообще скомкать и отправить в мусорку. Мне не дает покоя то, как Тедди нарисовал ее волосы, эти непристойно длинные черные пряди, волочащиеся

за телом, словно кишки. На прикроватной тумбочке что-то взвизгивает, я от неожиданности выскакиваю из кровати и лишь потом осознаю, что это всего-навсего мой телефон.

– Куинн! – раздается в трубке голос Рассела. – Я не слышу тебя поздно?

В этом вопросе весь Рассел. Сейчас всего-то восемь сорок пять, но он утверждает, что любой человек, сколько-нибудь серьезно занимающийся спортом, в девять тридцать должен уже лежать в кровати с выключенным светом.

– Нет-нет, все нормально, – говорю я ему. – Что случилось?

– Я звоню по поводу твоего подколенного сухожилия. Ты недавно жаловалась, что потянула его.

– Уже лучше.

– Сколько сегодня пробежала?

– Четыре мили. За тридцать одну минуту.

– Устала?

– Нет, ни капли.

– Ну что, готова идти дальше?

Я не могу заставить себя оторвать взгляд от рисунка, от длинных черных волос, волочащихся за телом женщины.

Какой ребенок будет такое рисовать?

– Куинн?

– Да, я слушаю... простите.

– У тебя все в порядке?

Я слышу над ухом комариный писк и с размаху хлопаю

себя по щеке. Потом смотрю на ладонь, надеясь увидеть раздавленное насекомое, но ничего нет.

– Да, все отлично. Просто немножко устала.

– Ты только что сказала, что *не* устала.

В его голосе прорезаются подозрительные нотки, как будто он внезапно почувствовал какой-то подвох.

– Как твои хозяева с тобой обращаются?

– Они потрясающие люди.

– А пацан? Томми? Тони? Тоби?

– Тедди. Он милый малыш. Нам с ним весело.

На мгновение у меня возникает мысль рассказать Расселу обо всей этой истории с Аней, но я просто не знаю, с чего начать. Если я сейчас возьму и выложу ему всю правду как есть, он, скорее всего, решит, что я снова начала употреблять.

– У тебя заскоков не бывает? – спрашивает он.

– В каком смысле заскоков?

– Провалы в памяти? Приступы забывчивости?

– Нет, вроде бы ничего такого не было.

– Я серьезно, Куинн. Учитывая твои обстоятельства, это было бы совершенно ожидаемо. Стресс от новой работы, от новой жизни.

– У меня все прекрасно с памятью. Никаких проблем давно уже не было.

– Вот и славненько. – (Я слышу, как он набирает что-то на клавиатуре своего компьютера – видимо, вносит какие-то

коррективы в план моих тренировок.) – Ты вроде бы говорила, что у Максвеллов есть бассейн, да? Тебе разрешают им пользоваться?

– Разумеется.

– Ты знаешь, какой он длины? Плюс-минус?

– Футов, наверное, тридцать.

– Я сейчас скину тебе ссылки на парочку видео в «Ютьюбе». Там плавательные упражнения. Простая кросс-тренировка. Раза два-три в неделю, ладно?

– Ладно.

Видимо, что-то в моем голосе все же ему не нравится.

– И звони мне, если тебе что-нибудь будет нужно, ладно?

Я же не в Канаде. Мне до тебя сорок минут езды.

– Не волнуйтесь, тренер. Я в полном порядке.

6

Плаваю я довольно паршиво. В моем детстве неподалеку от нашего дома был общественный бассейн, но в летнее время там всегда творился натуральный дурдом: сотни вопящих и визжащих детей набивались туда, как сельди в бочку, так что плавать было толком невозможно. В воде постоянно бултыхалась какая-то грязь. Мать запрещала нам с сестрой опускать голову под воду, потому что боялась, что мы подцепим конъюнктивит.

Так что новый план тренировок Рассела особого рвения

у меня не вызывает. До бассейна я добираюсь только на следующий вечер, уже в одиннадцатом часу. В темноте задний двор Максвеллов производит странное впечатление. От Спрингбрука до Филадельфии рукой подать, но в такое время кажется, что мы где-то в сельской глуши. Единственные источники света – лишь луна и звезды да еще галогеновые лампы на дне бассейна. Вода выглядит зловеще. Поверхность мерцает неоновой голубизной, словно радиоактивная плазма, отбрасывая причудливые тени на заднюю стену дома.

После дневного зноя приятно погрузиться в прохладную воду. Но когда я выныриваю, чтобы сделать глоток воздуха, и открываю глаза, то готова поклясться, что лес сдвинулся вперед, как будто все деревья разом каким-то образом подобрались ближе. Даже хор кузнечиков кажется громче. Я понимаю, что это иллюзия, что новый угол зрения изменил мое пространственное восприятие, стерев двадцать футов лужайки между ограждением бассейна и опушкой леса. Но это все равно кажется жутковатым.

Я держусь за бортик бассейна и минут пять разминаюсь, делая махи ногами. В большом доме во всех окнах первого этажа горит свет, так что кухня передо мной как на ладони, но ни Теда, ни Каролины не видно. Наверное, сидят в кабинете, пьют вино и читают книги – как, собственно, по большей части и проводят вечера.

Размявшись, я отталкиваюсь от бортика и расслабленно

плыву кролем. Моя цель – десять кругов туда и обратно, но уже на третьем я понимаю, что переоценила свои силы. Дельтовидные мышцы и трицепсы горят; вся верхняя половина тела совершенно не в форме. Даже икры начинает сводить. Я напрягаю все силы, чтобы закончить четвертый круг, но на пятом мне все равно приходится остановиться. Я повисаю на бортике и пытаюсь отдышаться.

И тут – из леса – вдруг доносится негромкое «крак».

Это трещит под чьей-то подошвой сухая ветка, на которую наступили с размаху. Я оборачиваюсь в направлении деревьев и, сощурившись, вглядываюсь в темноту, но ничего не вижу. Зато что-то – или кого-то – слышу: негромкий шорох палой листвы под чьими-то ногами, удаляющийся в сторону моего коттеджа...

– Как водичка?

Я оборачиваюсь и вижу Теда, который открывает ворота ограждения. Он без рубашки, в купальных шортах и с полотенцем, перекинутым через плечо. Он плавает по вечерам несколько раз в неделю, но я никогда не видела его в бассейне в такой поздний час. Я подплываю к лестнице и говорю:

– Я как раз собиралась вылезать.

– Не нужно. Места всем хватит. Ты начинай с того конца, а я буду с этого.

Он бросает полотенце на шезлонг и ныряет в бассейн – просто делает шаг в воду, даже не вздрогнув, – и по его сигналу мы начинаем плыть параллельно друг другу от противо-

положных бортиков бассейна. В теории мы должны проплыть друг мимо друга всего один раз, в центре дорожки, но Тед плавает с сумасшедшей скоростью и через минуту уже меня обгоняет. Он в прекрасной форме. На одном вдохе он проплывает практически весь бассейн, так что я вообще не понимаю, каким образом он ухитряется дышать. Он движется как акула, не издавая практически ни звука, в то время как я молочу по воде руками и ногами, словно пьяный пассажир круизного лайнера, свалившийся за борт. Я вымучиваю еще три круга и сдаюсь. Тед все плавает и плавает, прежде чем еще шесть кругов спустя остановиться рядом со мной.

– Ну вы круты, – говорю я ему.

– В школе я плавал лучше. У нас был потрясающий тренер.

– Везет вам. Я училась сама по «Ютьюбу».

– Тогда можно непрошенный совет? Ты слишком часто дышишь. Вдох надо делать на каждый второй гребок, всегда либо под правую, либо под левую руку, как тебе самой удобнее.

Он уговаривает меня попробовать, и я, оттолкнувшись от бортика, проплываю всю длину бассейна, следуя его совету. Результаты не заставляют себя ждать. Я дышу вдвое реже и плыву вдвое быстрее.

– Ну что, так лучше?

– Намного. Может, еще что-нибудь подскажете?

– Нет, я только что дал тебе самый свой лучший совет.

Плавание – единственный вид спорта, в котором тренеры ру-

гают тебя за то, что неправильно дышишь. Но если ты будешь практиковаться, у тебя будет получаться все лучше и лучше.

– Спасибо.

Я подплываю к лестнице и вылезая из бассейна. На сегодня с меня хватит. Мой купальник задирается, и я поправляю его, но, видимо, недостаточно быстро.

– О, «Флаерс», вперед! – говорит Тед.

Он имеет в виду небольшую татуировку у меня на бедре. Это безумная физиономия Гритти, мохнатого оранжевого талисмана филадельфийской хоккейной команды. Все это время я очень старалась, чтобы Максвеллы ее не увидели, и сейчас ругаю себя за то, что не уследила за купальником.

– Это ошибка юности, – говорю я Теду. – Как только у меня будут деньги, я сведу ее лазером.

– Но ты любишь хоккей?

Я качаю головой. Я никогда не играла в хоккей и никогда в жизни даже не видела ни одного матча. Но два года назад я свела знакомство с мужчиной намного меня старше, который очень любил спорт и имел неограниченный доступ к рецептурным лекарственным средствам. Айзеку было тридцать восемь, и его отец в 1970-х играл за «Флаерс». Он заработал кучу денег и умер молодым, и Айзек потихоньку спускал его состояние. Мы с парочкой еще таких же, как я, жили в его кондоминиуме, спали у него на полу, периодически как-то незаметно оказываясь у него в постели, и эту татуировку я набила главным образом ради того, чтобы произве-

сти на него впечатление в надежде на то, что он решит, что я классная, и позволит мне жить у него и дальше. Но мой план провалился. Мне пришлось ждать пять дней, прежде чем снять повязку, но к этому времени Айзека уже арестовали за хранение наркотиков, и его квартирный хозяин выставил нас всех обратно на улицу.

Тед все еще ждет моих объяснений.

– Сделала когда-то по глупости, – говорю я. – Сейчас сама не понимаю, чем я думала.

– Ну, тут ты не одинока. У Каролины тоже есть татуировка, от которой она хочет избавиться. В колледже у нее был божемный период.

С его стороны это, конечно, очень мило, но мне от его слов легче не становится. Я уверена, что Каролинина татуировка является собой образчик утонченного вкуса. Это наверняка роза, или полумесяц, или китайский иероглиф, означающий что-нибудь особенное, а не дурацкое пучеглазое страшилище. Я спрашиваю у Теда, где она прячет свою татушку, как вдруг раздается еще одно громкое «крак».

Мы оба как по команде поворачиваемся в сторону леса.

– Там кто-то есть, – говорю я. – Я уже слышала раньше, как он тут ходит.

– Кролик, наверное, – отмахивается Тед.

И тут снова слышится громкий треск и беспорядочный шум, как будто какое-то небольшое животное в панике, не разбирая дороги, напролом мчится сквозь подлесок.

– Это в самом деле был кролик. Но раньше, до того, как вы вышли, шум был громче. У меня сложилось впечатление, что это был человек.

– Может, подростки? Уверен, этот лесок пользуется популярностью у старшеклассников.

– По ночам хуже всего. Иногда я лежу в постели и мне кажется, что они прямо у меня за окном.

– Может, стоит поменьше слушать Митци с ее бреднями? – подмигивает мне Тед. – Каролина рассказала мне о вашей встрече.

– Она своеобразная женщина.

– Я бы на твоём месте держался от нее подальше, Мэллори. Вся эта ее эзотерическая белиберда, этот вечный проходной двор у нее дома, эти ее мутные клиенты, которые приходят к ней через заднюю дверь и платят наличными... Как по мне, это пахнет незаконными вещами. Я ей не доверяю.

Теду, судя по всему, не слишком часто доводилось иметь дело с экстрасенсами. Когда я росла, у нас была соседка, миссис Грубер, которая гадала на картах таро в подсобке местной пиццерии. Она прославилась тем, что предсказала одной из официанток выигрыш в сто тысяч долларов в моментальную лотерею. Кроме того, она также давала консультации по брачным предложениям, неверным бойфрендам и прочим сердечным делам. Мы с подругами называли ее Пророчицей и доверяли ей больше, чем первой полосе «Инквэйрера».

Впрочем, я не рассчитываю, что Тед отнесется ко всему

этому с пониманием. Этот человек не готов даже поддерживать легенду о существовании зубной феи. Когда несколько дней тому назад у Тедди выпал молочный зуб, Тед просто открыл бумажник и выдал сыну доллар – и никакого тебе флера тайны, никакой торжественности, никаких попыток ночью прокрасться на цыпочках в спальню, чтобы положить банкноту под подушку.

– Она безобидная.

– Я думаю, она приторговывает наркотиками, – говорит Тед. – У меня нет никаких доказательств, но я наблюдаю за ней. Держи с ней ухо остро, ладно?

Я вскидываю вверх правую руку.

– Слово скаута!

– Я серьезно, Мэллори.

– Я знаю. И очень вам за это благодарна. Я буду осторожна.

Я открываю воротца защитного ограждения, чтобы уйти, и вижу, что по двору идет Каролина – в той же самой одежде, в которой пришла с работы, с блокнотом и карандашом в руках.

– Мэллори, постой. Нам что, вчера звонили? Из школы?

И тут я понимаю, что крупно проштрафилась. Я помню звонок и помню, как записывала номер директрисы на клочке бумаги. Но потом в кухню вошел Тедди с этим своим странным рисунком, и все остальное попросту вылетело у меня из головы.

– Да, директриса, – говорю я. – Я записала ее телефон и сунула в карман. Он, скорее всего, у меня в шортах, в коттедже. Сейчас сбегаю принесу...

Каролина качает головой.

– Не надо. Она только что написала мне по электронной почте. Но я предпочла бы узнать о ее звонке вчера.

– Я понимаю. Простите, пожалуйста.

– Если мы не подадим документы вовремя, Тедди потеряет место. У них тридцать человек в листе ожидания в подготовительный класс.

– Я понимаю, понимаю...

– Хватит уже твердить «я понимаю», – обрывает меня Каролина. – Если бы ты действительно понимала, ты не забыла бы сказать мне о звонке. В следующий раз, пожалуйста, прояви чуть больше ответственности.

Она разворачивается и идет обратно к дому. Я потрясенно провожаю ее взглядом. Впервые за все время Каролина по-настоящему на меня накричала. Тед торопливо выбирается из бассейна и кладет руку мне на плечо.

– Послушай, не расстраивайся.

– Простите меня, Тед, я чувствую себя просто ужасно.

– Она злится на школу, а не на тебя. Они требуют от нас какую-то немыслимую прорву документов. Прививки, аллергии, психологические профили. У них в анкете больше страниц, чем в моей налоговой декларации!

– Это просто случайность, честное слово, – говорю я. – Я

записала телефон, но потом отвлеклась на одну вещь, которую дал мне Тедди.

Мне так отчаянно хочется оправдаться, что я принимаюсь описывать Теду рисунок, но он перебивает меня. Видимо, ему хочется поскорее вернуться в дом. Я вижу на пороге силуэт Каролины – она стоит в раздвижных дверях, наблюдая за нами.

– Она успокоится, не переживай, – говорит он. – Завтра она об этом даже не вспомнит.

Его голос звучит спокойно, но он поспешно уходит вслед за женой и вскоре превращается в двухмерный силуэт в дальнем конце двора. В следующее мгновение он подходит к Каролине и обнимает ее. Она тянется к выключателю на стене, и больше я ничего не вижу.

Поднимается легкий ветерок, и меня пробивает дрожь. Я заворачиваюсь в полотенце и иду к себе в коттедж. Я запираю дверь и переодеваюсь в пижаму, и тут снова слышатся чьи-то шаги, мягкая поступь по траве – только на этот раз прямо за моим окном. Я отдергиваю занавеску и выглядываю наружу, но сквозь антимоскитную сетку могу разглядеть только склизких мотыльков.

Это олень, говорю я себе. Это всего лишь олень.

Я задергиваю занавески, выключаю свет и забираюсь в постель, натянув одеяло до самого подбородка. Снаружи кто-то или что-то шебуршит прямо рядом с моей кроватью – я слышу, как он копошится с внешней стороны стены, иссле-

дую дом, обходя его по периметру, как будто пытается отыскать способ проникнуть внутрь. Я сжимаю руку в кулак и с размаху бью в стену, надеясь, что грохот спугнет незваного гостя.

Однако вместо этого он ныряет под дом и принимается разрывать землю, внедряясь под дощатый настил. Не представляю, как кто-то вообще может там поместиться. Высота свай, на которых держится дом, от силы восемнадцать дюймов. Это никак не может быть олень, но, судя по шуму, это кто-то большой, размером как раз с оленя. Я сажусь на кровати и принимаюсь молотить по полу пятками, но все без толку.

– Ну, давай, иди сюда, – кричу я в надежде, что в конце концов шум все-таки спугнет его.

Однако непонятное существо продвигается все дальше и дальше, пробиваясь к центру комнаты. Я встаю и зажигаю свет, потом опускаюсь на четвереньки и прислушиваюсь, пытаясь определить, в каком направлении движется звук. Мне приходится откинуть ковер, и под ним в половицах обнаруживается квадратная прорезь – крышка люка, сквозь который вполне может протиснуться взрослый человек. Ни петель, ни ручки нет, лишь две овальные выемки, за которые можно поднять крышку.

Наверное, если бы все это происходило не в такое позднее время – и если бы Каролина и без того не была уже на меня сердита, – я могла бы позвонить Максвеллам и попросить их

о помощи. Теперь же я полна решимости справиться самостоятельно. Я иду на кухню и набираю в пластмассовый кувшин воды. Это существо, кем бы оно ни было, не может быть таким большим, как кажется. Поговорку про то, что у страха глаза велики, придумали не зря. Я плюхаюсь на колени рядом с люком и пытаюсь поднять крышку, но она не поддается. От сырости дерево разбухло, и панель застряла намертво. Я что было сил обеими руками тяну крышку на себя, не обращая внимания на боль в пальцах и на то, что острые щепки вонзаются в нежную кожу под ногтями. Наконец, издав громкий хлопок и подняв облако серой пыли, крышка выскакивает из пола, точно пробка из бутылки шампанского. Я хватаю ее и прижимаю к груди, держа перед собой на манер щита. Потом наклоняюсь и заглядываю в дыру.

Там слишком темно, чтобы можно было хоть что-нибудь разглядеть. Внизу чернеет земля, сухая и безжизненная, точно остывшее кострище. Все тихо. Мой гость, кем бы он ни был, исчез. В дыре ничего нет, лишь кучи серой пыли, испещренной черными точками. Я понимаю, что все это время сдерживала дыхание, и выдыхаю с облегчением. Видимо, моя возня с крышкой люка спугнула непонятное существо.

Но тут серая пыль начинает шевелиться, черные точки моргают, и до меня доходит, что я смотрю прямо на него – встав на задние лапы, оно тянется ко мне уродливыми розовыми когтями, оскалив длинные острые зубы. Я истошно визжу, забыв про позднее время. Потом захлопываю крышку

люка и всем телом наваливаюсь сверху, чтобы забаррикадировать проход. Я молочу по краям кулаками, пытаюсь заставить разбухшую крышку встать обратно на место, но она не влезает в люк. Через минуту в моем коттедже, открыв дверь своим ключом, появляется Каролина. Она в ночной сорочке, позади нее в одних пижамных штанах стоит Тед. Они слышат шум, несущийся из-под моего домика, грохот под половицами.

– Это крыса, – говорю я им, до смерти обрадованная, что они тут, что я больше не одна. – Огромная крыса, никогда в жизни такой не видела.

Тед берет пластиковый кувшин с водой и несет его на улицу, а Каролина, обняв меня за плечи, успокаивает и говорит, что все будет хорошо. Мы совместными усилиями поворачиваем крышку люка на девяносто градусов, так что она встает обратно, и я держу ее, а Каролина утрамбовывает по краям, чтобы они встали на место. Но даже после того, как она заканчивает, я боюсь отойти из опасения, что крышка выскочит обратно. Каролина стоит рядом, обнимая меня за плечи, пока сквозь открытое окно до нас не доносится плеск воды.

Через миг возвращается Тед с пустым кувшином.

– Это опоссум, – с ухмылкой говорит он. – Не крыса. Он улепетывал со всех ног, но я его догнал.

– Но как он оказался под домом?

– В обшивке обнаружилась дыра. В западной стене. Похоже, одна из досок прогнила. – Каролина хмурится и открыва-

ет рот, чтобы что-то сказать, но Тед опережает ее. – Я знаю, знаю. Завтра же все почию. Придется съездить в строительный магазин.

– Завтра первым же делом, Тед. Этот паршивец напугал Мэллори до полусмерти! А вдруг он бы ее укусил? А вдруг у него бешенство?

– Я в полном порядке, – заверяю я ее.

– Она в полном порядке, – повторяет мои слова Тед, но Каролина не желает успокаиваться. Она смотрит на люк в полу. – А вдруг он вернется снова?

Несмотря на то что на часах почти полночь, Каролина настаивает, чтобы Тед сходил в большой дом за инструментами и заколотил крышку люка гвоздями – тогда никто уже точно не сможет пробраться ко мне в коттедж. Пока мы ждем, когда он закончит, она ставит на кухне чайник и заваривает нам троим ромашковый чай. После всего Максвеллы задерживаются у меня еще ненадолго, чтобы убедиться, что я успокоилась и мне ничто не угрожает. Мы втроем сидим на краю моей постели, болтая и рассказывая забавные истории, так что в конце концов смеюсь даже я, и кажется, что никакой выволочки из-за телефонного звонка и не бывало.

7

Следующий день – жаркое и душное Четвертое июля, и я заставляю себя выйти на длинную пробежку, восемь миль

за семьдесят одну минуту. На обратном пути я прохожу мимо дома, который мы с Тедди окрестили Цветочным замком. Это расположенный в трех кварталах от дома Максвеллов огромный белый особняк с подъездной дорожкой в виде буквы U и двором, засаженным умопомрачительно яркими цветами: хризантемами, геранями, лилейниками и еще множеством других. Я замечаю, что на шпалерах перед домом появились какие-то новые оранжевые цветы, и подхожу чуть ближе, чтобы получше их рассмотреть. Они выглядят так странно и непривычно – ни дать ни взять крошечные дорожные конусы, – что я делаю несколько фотографий на телефон. Но тут входная дверь распахивается и на пороге появляется мужчина. Я краем глаза вижу, что на нем костюм, и решаю, что он вышел, чтобы накричать на меня за вторжение на чужую территорию и прогнать прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.